

Татьяна
Корсакова

Нежавю,
или ЧАС ПЕРЕД
РАССВЕТОМ

Татьяна Корсакова
Дежавю, или Час
перед рассветом
Серия «Любовь и тайна»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6991596

Дежавю, или Час перед рассветом : роман / Татьяна Корсакова.:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71540-4

Аннотация

Тринадцать лет назад в старом графском поместье произошла трагедия. Жертвой стала девушка, возлюбленная Дэна. Прошлое не забылось, и теперь главные участники тех событий вернулись, чтобы попытаться разгадать загадку самой темной ночи. Кто-то ищет богатства, кто-то справедливости, а Дэн – свою потерянную, но не забытую любовь.

Все игроки на местах. Самая темная ночь возвращается, и в этот раз пламя ее костра вспыхнет с новой силой.

Ранее роман выходил под названием «Час перед рассветом»

Содержание

Дэн	4
Гальяно	17
Матвей	34
Дэн	41
Гальяно	57
Туча	68
Матвей	84
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Татьяна Корсакова

Дежавю, или Час перед рассветом

Дэн

После унылой прохлады Хельсинки московский зной казался просто тропическим. Нагретый солнцем асфальт плавился под колесами машины, словно карамель. Над ним клубилось зыбкое марево, отчего дорога казалась политой маслом. Дэн полной грудью вдохнул сладкий дым отечества, включил климат-контроль и едва ли не на полную мощность врубил «Апокалиптику».

Он устал, чертовски устал. Он работал как каторжный, без выходных и проходных последние несколько лет. Работал на износ, не жалея ни себя, ни подчиненных, по кирпичику строя свою маленькую империю. А вчера в Хельсинки он подписал контракт, который позволит если не расслабиться, то хотя бы перевести дух, расширить производство, доукомплектовать штат и даже – о, чудо! – смотаться наконец куда-нибудь в далекие края на отдых. Может быть, в Индию. Или на Большой Барьерный риф...

В кармане, пытаясь заглушить «Апокалиптику», заиграл

мобильный. «А по лесам бродят санитары!..»

Дэн улыбнулся, выключил музыку, плечом прижал к уху трубку. Только один человек имел такие специфические позывные. Человек, с которым он не виделся уже почти тринадцать лет, но тем не менее продолжал поддерживать связь.

– Рад тебя слышать, Гальяно!

– А видеть? – донеслось из трубки. – Где тебя носит, Киреев? Приглашаешь товарища в гости, а сам сваливаешь неизвестно в какие дали!

– А ты где? – Дэн бросил быстрый взгляд на спидометр.

Да, он приглашал Гальяно в гости. Каждый год, а то и чаще. Но никак не рассчитывал, что друг приедет вот так, без предварительного звонка.

– А я тут, прямо перед твоей бронированной дверью. Сижу, понимаешь ли, на ступеньках, тоскую. Ты-то сам где? Ты хоть в Москве сейчас, Киреев?

Дэн снова глянул на спидометр, прибавил газу, спросил:

– Еще час на ступеньках посидишь? Я уже лечу!

– Еще час посижу. Куда ж я денусь? А ты откуда летишь, сокол сизокрылый?

– Из Хельсинки.

– Границу хоть перелетел?

– Перелетел, не переживай. Там, в квартале от дома, кафе есть хорошее, можешь подождать с комфортом.

– Да ладно, мне и на лестнице хорошо. Соседки у тебя красивые, длинноногие такие соседки. Настоящие столич-

ные штучки. Ходят вверх-вниз, волнуют сердце провинциального хлопца.

Насколько Дэн помнил, сердце провинциального хлопца вот уже больше года было занято прекрасной дамой с говорящим именем Любовь, но... горбатого могила исправит.

– Все, не скучай, скоро буду! – бросил он в трубку и отключил связь.

Гальяно приехал! На душе вдруг стало тепло и тревожно одновременно. Воскресли воспоминания, которые до сих пор, по прошествии тринадцати лет, причиняли ему почти физическую боль, раз за разом возвращая в прошлое: на берег ведьминога затона, в самую темную ночь, к мертвой Ксанке, с которой тогда, тринадцать лет назад, ему не позволили даже попрощаться...

Им сказали, что она утонула в затоне той проклятой ночью, что тело ее достали из реки через сутки. Их не позвали на опознание, это не понадобилось: Ксанку опознали вернувшиеся с отдыха родители и сразу увезли хоронить в Москву. Дэн не знает главного – где ее могила, куда можно прийти, чтобы сказать, как сильно ему ее не хватает. Не хватает даже сейчас...

Он искал Ксанку даже после смерти девушки, пытался реанимировать в сердце ее образ, вспомнить ее лицо. Почти пять лет его тогдашней жизни превратились в череду надгробий, припорошенных увядшими цветами могил, склепов и колумбариев. Дэн искал Ксанкину могилу. Методично, с

пугающей родителей настойчивостью осматривал кладбище за кладбищем. Единственное, что у него было, это фамилия – Пашутина. Вот та скупая информация, которой поделился с ним следователь Васютин. Дэн начал со столичных кладбищ, через два года перешел на подмосковные...

Их оказалось десятки – женщин, девушек и девочек с фамилией Пашутина. Но среди них не было ни одной Ксении, ни одной Оксаны... После каждой такой вылазки на кладбище Дэн заболел, замыкался в себе, терял надежду, но проходило время, и он снова принимался за поиски.

Эти граничащие с сумасшествием поиски длились до тех пор, пока с инсультом не слег отец, до тех пор пока мама, пряча слезы, не сказала, что пришло время подумать и о живых. И Дэн сдался, оставил надежду найти могилу Ксанки. Почти оставил... Всего одно кладбище в месяц, в три месяца, в полгода. Из года в год...

А жизнь его тем временем понемногу налаживалась. В его жизни появилась учеба в университете, потом стажировка за границей, потом начатый еще отцом бизнес. В его жизни появились новые друзья и новые девушки, хрупкие, синеглазые, черноволосые, похожие на Ксанку. Наверное, похожие, потому что Дэн так и не смог вспомнить ее лицо. Прошлое почти отпустило.

Он женился на одной из таких черноволосых, синеглазых, без любви, под мягким нажимом мамы, не теряющей надежды увидеть внуков. Из затеи с женьбой не вышло ниче-

го хорошего. Дэн понимал это еще тогда, но особенно остро осознал теперь, когда перед отлетом в Хельсинки подал заявление о разводе. Его жена не удивилась и не расстроилась. Она была хорошей и славной, наверное, в чем-то она даже походила на Ксанку, но она не была его судьбой ни тогда, ни сейчас. Все эти годы они оставались чужими друг другу, оба мучились, оба задыхались в тисках нелюбви. Как Дэн ни старался, а прошлое его не отпустило.

И вот сегодня прошлое приехало из пыльного провинциального городка, уселось на ступеньках перед его дверью и жаждет встречи. Он тоже жаждет. Честное слово! Отчего же тогда так больно и откуда в кондиционированном воздухе салона горький запах гари?

Запарковаться во дворе удалось только чудом. Дэн втиснул свой внедорожник между соседским «жигуленком» и заползшей передними колесами на газон маршруткой. Вверх по лестнице он поднимался почти бегом, не обращая внимания на тяжесть болтающейся на плече дорожной сумки. Звонкий девичий смех и вкрадчивый мужской баритон он слышал почти сразу.

– ...Вы поразительно, просто невероятно проницательны, – щебетала Машенька, соседка из квартиры напротив. – Не понимаю, просто ума не приложу, как вы догадались! Я никому об этом не рассказывала, я об этом даже и не вспоминаю.

– Интуиция, Мари! Интуиция, помноженная на богатый

жизненный опыт. – Голос Гальяно был полон сдержанного достоинства и еще чего-то такого, отчего Дэну и самому захотелось поверить и в интуицию, и в богатый жизненный опыт. – Если бы вы только знали, сколько всего мне довелось пережить, Мари! Если бы только могли поверить...

Прерывать такой занимательный разговор Дэну было неловко, но, во-первых, Гальяно приехал в гости к нему, а не к Машеньке, во-вторых, у Машеньки имелся ухажер, который давно и настойчиво метил на роль мужа, а в-третьих, у Гальяно была его огнегривая Любаша, поэтому Дэн деликатно кашлянул и сообщил:

– Ну, вот я и прилетел! Здорово, старик. Здравствуйте, Маша.

Соседка Машенька зыркнула на него недобрым глазом, кивнула вежливо, но не слишком приветливо и, не сводя зачарованного взгляда с Гальяно, попятилась к своей полуприкрытой двери. «Мы еще увидимся» – читалось в ее взгляде.

– Мы непременно еще увидимся! – пообещал Гальяно и всем корпусом развернулся к Дэну. – Прилетел, сокол мой ясный! Не прошло и полгода!

Они не виделись тринадцать лет, и если к изменившемуся голосу Гальяно за эти годы Дэн успел привыкнуть, то метаморфозы, произошедшие с внешностью друга, заставили его на время потерять дар речи.

Пижон! Вот первое, что пришло на ум. Провинциальный хлопец Вася Гальянов выглядел едва ли не бóльшим моск-

вичом, чем он сам. Щегольские, начищенные туфли, узкие джинсы, стильный пиджак и белоснежная, до хруста накрахмаленная сорочка. Как вся эта красота пережила ночь в поезде, Дэн не имел ни малейшего представления. Но факт оставался фактом – Гальяно был свеж и ясен как новорожденный день и держался с достоинством английского лорда. От того нескладного прыщавого парня, которого Дэн знал много лет назад, не осталось ничего, кроме длинных, стянутых в хвост волос. Дорогой парфюм, наглый взгляд, обаятельная ухмылка, трехдневная щетина, уголок шелкового платка в кармане пиджака... Пижон!

Они разглядывали друг друга долго и внимательно, словно познакомились по новой. На лице Гальяно отразились сначала удивление, потом узнавание, потом радость, а потом с громким воплем «братуха!» он кинулся обниматься.

Их приветствие было по-мальчишески бурным и несдержанным. Крепкие мужские объятия растопили тонкий лед разделявших их лет.

– Как здорово, что ты приехал! – сказал Дэн, подхватывая с пола чемодан Гальяно.

– Да, здорово, что я приехал! – Гальяно широко улыбнулся и стрельнул взглядом на дверь, за которой, Дэн был в этом абсолютно уверен, притаилась соседка Машенька. – Ну, показывай мне свою берлогу!

Они сидели на кухне за наскоро накрытым столом, пили шотландский виски, закусывали найденными в недрах Дэно-

ва холодильника ветчиной и сыром, курили привезенные Гальяно тонкие кубинские сигары.

– Так говоришь, расходитесь любовно? – Гальяно, довольный, сытый и слегка пьяный, покусывал кончик сигары и был в этот момент похож на потомка дона Карлеоне.

– Любовно. – Дэн разлил по стаканам оставшийся виски. – Давно нужно было, да все духу не хватало. Ни у меня, ни у нее. А теперь вот... У нее новая любовь, планы на будущее.

– А у тебя?

– И у меня планы. Только больше деловые, расширяю производство.

– А со спортом, что же, завязал?

– Перешел из профессиональной лиги в любительскую. Тренажерный зал, и тот от случая к случаю. Времени нет, Гальяно. Почти ни на что нет времени.

– А по тебе и не скажешь. – Гальяно отхлебнул виски. – Выглядишь молодцом. Я же надеялся, что краше меня теперь никого не сыскать, а ты меня переплюнул, черт побери! Ну точно скандинавский бог! – добавил он не без зависти.

– Так уж и бог, – отмахнулся Дэн. Виски растекался по телу жаркой волной, заставлял позабыть и о проблемах, и о накопившейся усталости. – Сам-то как? Как твоя Любаша?

– Любаша... – Гальяно враз помрачнел, – а Любаша уже не наша! – сказал с несвойственной ему горечью. – Променяла меня на колбасного короля. Представляешь – колбас-

ного! Ладно бы на нефтяного или, на худой конец, алюминийевого, а то ведь на сосиски и сервелат променяла. Ей, видите ли, со мной тяжело. Я, видите ли, слишком сложно устроен, и вообще мы с ней не пара. Год были парой, а теперь вот не пара! А я ведь из-за нее... – Гальяно воздел очи к потолку... – Братуха, я ведь ради нее всем пожертвовал. За год ни одной интрижки, даже смотреть на других женщин не смел, от греха подальше.

– От греха подальше? – усмехнулся Дэн.

– Соблазны, искушения, – вздохнул Гальяно. – Ах, как меня искушали! Ты бы видел, какие львицы ко мне ластились. А она меня на сервелат... на венские сосиски...

– Любишь ее? – спросил Дэн.

– А вот и не знаю, – сказал Гальяно растерянно. – Год жизни с человеком под одной крышей, практически как муж и жена. Понимаешь? За один день такое не забудешь, но... – Он хлопнул ладонью по столу с такой силой, что в бокалах звякнули кубики льда. – Но я стараюсь. Вот в Москву выбрался, чтобы развеяться. Осточертело все! Бросил дела, и вперед, в пампасы!

– А занимался чем?

Насколько знал Дэн, занятия Гальяно были так же удивительны и многогранны, как и его натура. Еще год назад он числился совладельцем тату-салона, а параллельно оказывал населению – кто бы мог подумать! – магические услуги. А что увлекло друга на сей раз, Дэн даже не брался предпо-

жить.

– Психолог! – сообщил Гальяно и одним махом осушил свой бокал. – Собственный кабинет, широкая практика, авторитет и определенный вес в профессиональных кругах, – добавил он не без гордости.

– А магический салон?

– Завязал. – Гальяно вдруг сделался серьезным. – Знаешь, старик, довелось тут недавно столкнуться с такими вещами... Вот типа того, что с нами тогда приключились. – Он посмотрел на Дэна внимательно и настороженно, словно ждал насмешек и осуждения. – Чертовщина такая, врагу не пожелаешь. Оно как поперло...

– Что? – спросил Дэн.

– Вот это самое – ненормальное. То есть даже паранормальное. Я сейчас скажу... ты не смейся только.

– Я не смеюсь.

– Это хорошо, думал бы, что станешь смеяться, ни за что бы не рассказал. – Гальяно немного помолчал, а потом сказал шепотом: – Я, похоже, медиум.

– Кто ты? – не понял Дэн.

– Медиум. Ну, медиумы – это типа такие странные ребята, которые умеют общаться с душами умерших. Спиритические сеансы и все такое...

– И ты умеешь? – Сердце вдруг забилося так часто, что стало тяжело дышать. – Умеешь, Гальяно?!

– Однажды вызвал на свою голову, – Гальяно кивнул. –

Прикинь, ведь думал, что ваньку валяю, положив руку на сердце, просто разводил клиенток на бабки. Как в детстве, знаешь? – Он закрыл глаза и заговорил загробным голосом: – Дух Петра Первого, приди! Дух Петра Первого, взываю к тебе!

– И?..

– И он пришел!

– Дух Петра Первого?

– Нет, другого перца, но тоже, я тебе скажу, одиозного мужика. Это долгая история, братуха, я до сих пор от нее отойти не могу. Кто б рассказал, не поверил бы, что такое вообще бывает. Я же циник прожженный, циник и лирик. А тут оказывается, еще и медиум. – Гальяно устало пожал плечами. – Были у меня кое-какие таланты, не без того. В человеческой, а особенно дамской, психологии я всегда хорошо разбирался. Ты же помнишь.

Дэн кивнул.

– И на местности я ориентируюсь неплохо. Не знаю, как объяснить... Ну вот нужно мне из пункта А в пункт Б кратчайшей дорогой, и я найду именно эту самую кратчайшую дорогу. Без карт и компаса найду, понимаешь? Навигатор у меня в башке, как у перелетных птиц. Необычное, конечно, качество, но хотя бы полезное. А способности медиума...

– Бесполезные? – спросил Дэн, прислушиваясь к бестолковому трепыханию своего сердца.

– Страшные, я бы сказал. На свиданку к тебе ведь при-

ходит не девочка-ромашка, а трехсотлетний хмырь с кучей комплексов.

– А если позвать девочку-ромашку? – Вот он и задал мучивший его все эти бесконечно долгие мгновения вопрос.

– Ксанку? – Гальяно понял его с полуслова, устало потер глаза. – Ты ее так и не забыл?

– Не могу. Вспомнить ее не могу, и забыть никак не получается. Поможешь? – Теперь уже Дэн смотрел на Гальяно так, словно боялся осуждения и насмешек. Кому-нибудь другому и не сказал бы такое никогда.

– Я не знаю. Честное слово, старик, не знаю. У меня и получилось-то только один раз. Случайно, можно сказать, получилось. Он, тот призрак, сам на меня вышел, наверное. Собственно говоря, он не со мной связаться хотел, а с клиенткой моей.

– Может быть, она тоже захочет, – сказал Дэн едва слышно.

Гальяно долго молчал, что-то обдумывал, что-то взвешивал, а потом кивнул.

– Я попробую. Мне только кое-что прикупить нужно. Ну, свечи там, хрустальный шар... Они, может, и не нужны, но в тот раз так было: свечи, шар... Есть в вашей Москве что-то подобное?

– Найдем.

– Тогда попробую, но не обещаю ничего. Не умею я процессом управлять, до сих пор не понимаю, как это работает.

– Ты просто попробуй, – попросил Дэн, залпом допивая свой виски.

Гальяно

Он боялся, что встреча не получится. Одно дело – предаваться воспоминаниям по телефону, и совсем другое – сойтись вот так, лицом к лицу. Хорошо, что опасения оказались напрасными.

Дэн почти не изменился. Та же стать, та же нордическая красота, только не по-юношески хрупкая, а по-мужски основательная, тот же отстраненный взгляд серых глаз. Зачем такому какой-то провинциальный друг? Что у них может быть общего? Припорошенные пеплом, почти забытые воспоминания? А он, дурак, приперся в Москву без приглашения, даже без предварительного звонка, как будто его здесь ждут... Это все из-за Любаши! Из-за ее вероломства и коварства. Потерял голову и чувство собственного достоинства, рванул куда глаза глядят, чтобы только подальше от нее. Фактически сбежал...

Дэн рассматривал его внимательно и удивленно, а закончив осмотр, улыбнулся, и все сразу стало на свои места, исчезли неловкость и неуверенность. Дэн не изменился! Вот он – его друг, практически брат! Человек, к которому можно явиться в любое время дня и ночи – просто так, без приглашения.

Им понадобилась лишь пара бокалов виски, чтобы подойти к той границе, которую ни один из них старался не пере-

секать в одиночку.

– Ты сможешь мне? – спросил Дэн, глядя Гальяно прямо в глаза. – Ты попробуешь?

Он верил! Верил в то, во что сам Гальяно до сих пор боялся поверить – в его сверхспособности, то ли дар, то ли проклятье, позволяющее приоткрывать двери, которые лучше оставлять закрытыми. А еще Дэн не успокоился. Столько лет прошло, а Ксанка его так и не отпустила. Разве можно хранить верность одной-единственной женщине так долго? Мертвой женщине... И нужно ли? Вот правильный вопрос.

– Я не знаю, как это работает. – Гальяно не хотел давать ложные обещания, не хотел поощрять несбыточные надежды. – Но если ты уверен, я попробую.

– Я уверен, – сказал Дэн, и на лице его застыло отчаянное и одновременно решительное выражение. – Гальяно, я до сих пор не нашел ее могилу...

Он до сих пор не нашел могилу! Господи ты боже мой...

– Ты все еще ее ищешь?

– Да. Уже не так настойчиво, как десять лет назад, но ищу. – Дэн достал из кухонного шкафчика бутылку коньяка, спросил: – Кроме этих твоих магических атрибутов, свечей, хрустального шара, тебе еще что-нибудь нужно?

Гальяно с грустью посмотрел на коньяк, а потом кивнул и сказал:

– Да, мне нужно протрезветь и, наверное, слегка отдохнуть с дороги. Я ночь без сна... – добавил он виновато.

– Да, я понимаю. – Дэн вернул бутылку обратно в шкафчик. – Отдыхай пока, а вечером... – он запнулся, – а вечером мы попробуем. Да?

– Попробуем.

Ну что он еще мог сказать?! Он уже все сказал, предупредил о последствиях, сознался в своей некомпетентности.

– Я постелю тебе на диване в гостиной.

– А сам? Ты ведь тоже с дороги, – спохватился Гальяно.

– Ерунда, я уже привык.

Наверное, виной тому был выпитый виски, но Гальяно отключился, как только его голова коснулась подушки. Ему снилась Любаша. Любаша умоляла его вернуться, а он обещал подумать.

Когда Гальяно открыл глаза, за окном уже сгущались сумерки, настенные часы показывали, что проспал он без малого полдня.

– Эй! Эй, есть кто живой?! – Он сел на диване, потряс головой, прогоняя остатки сна и воспоминания о вероломной Любаше.

Дэн вошел в гостиную сразу, как будто ждал, когда Гальяно проснется.

– Отдохнул?

– Отдохнул. – Гальяно потянулся, еще раз глянул в окно. – Слушай, нам, наверное, нужно спешить, чтобы успеть до закрытия прошвырнуться по магическим лавкам. Свечи купить, думаю, не проблема, а вот с хрустальным шаром мо-

гут возникнуть определенные сложности. Вещица специфическая, сам понимаешь.

– А я уже, – Дэн улыбнулся. Гальяно показалось, что виновато.

– Что – уже?

– Все купил. Заказал через Интернет. Уже и доставили.

– Показывай! – велел Гальяно, вскакивая на ноги.

Рабочий стол Дэна был завален спиритическими атрибутами, отчего кабинет стал похож на магический салон. Одних только разнокалиберных шаров Гальяно насчитал пять штук.

– Круто! – Он взвесил в руке самый большой и, по всей видимости, самый дорогой шар.

– Чтобы уже наверняка. – Дэн пожал плечами. – Сойдет?

– Более чем.

– А свечи?

– Со свечами тоже полный порядок, только...

– Только?..

– Только я не берусь ничего обещать.

– Я понимаю. – Дэн кивнул. – Ты хотя бы попытайся.

Они устроились тут же, в кабинете: Гальяно за столом, Дэн в кресле напротив. Оба чувствовали неловкость и нерешительность.

– Я готов. – Дэн положил руки на подлокотники кресла, глубоко вздохнул. – От меня что-то нужно?

– Только твое желание ее увидеть. Можешь представить

себе ее... – Гальяно запнулся, а потом сказал: – Достаточно только желания, остальное я попробую сделать сам.

У него ничего не получалось. Свечи горели ровно и безмятежно, а в хрустальном шаре не отражалось ничего, кроме их пламени. И бормотание Гальяно «Ксанка, приди! Ксанка, мы призываем тебя» казалось бредом сумасшедшего. Так и есть – бред! Взрослые тридцатилетние мужики, а занимаются какой-то ерундой. Кто бы их сейчас увидел...

Дэн смотрел прямо перед собой, лицо его окаменело и не выражало ровным счетом ничего, будто бормотание Гальяно ввело его в транс.

– Ерунда это все! – Гальяно сдался.

– Ничего? – спросил Дэн, и пальцы его с силой сжали подлокотники кресла.

– Если и были у меня какие-то таланты, то, похоже, все вышли. – Гальяно пожал плечами.

– И не чувствуешь ничего? Ничего особенного?

– Нет. – Он задул ближайшую свечу, потянулся за хрустальным шаром. – Прости, братан, но, похоже...

Слова застряли в горле, а руки, сжимающие шар, налились чугунной тяжестью. Там, в хрустальной сердцевине шара, он вдруг увидел не отражение свечей и не свою вытянутую физиономию, он увидел другой мир. В этом мире было спокойно, в нем бушевали смерчи и шел снег. Или не снег, а пепел?.. Зеленые вспышки, корявый силуэт мертвого дерева и парящая в воздухе тонкая девичья фигурка. Он наде-

ялся увидеть будущее, а хрустальный шар показал ему прошлое. Сердце заныло от недоброго предчувствия, а картинка тем временем изменилась. Гальяно больше не видел Ксанку, он видел сгорбленную спину мужчины. Мужчина опирался на черенок лопаты, вся его поза выражала нетерпеливое ожидание пополам со страхом, вот только лица не было видно. Почти у самых его ног из-под земли пробивался зеленый свет. Он становился все ярче и ярче, заполняя собою весь маленький хрустальный мирок, грозясь выплеснуться наружу, разрывая твердый лесной дерн, выталкивая на поверхность что-то большое.

– Гальяно! – Голос Дэна доносился издали, из совершенно другого мира. – Гальяно, ты в порядке?

Нельзя отвлекаться, нужно смотреть очень внимательно. Смотреть и запоминать. Когда-то давным-давно они с Дэном тоже были там, внутри наполненного пеплом хрустального шара...

...Земля вздрогнула и изрыгнула из своих недр длинный ящик. Нет, не ящик... Сердце замерло, а потом испуганно затрепыхалось в горле. Гроб! Старый, почерневший от времени гроб, почти до самых краев заполненный золотом и драгоценностями, а сверху – самым надежным, самым верным стражем – мертвое тело. Черные лохмотья, черные кости, черные провалы глазниц, а в глазницах оживает, разгорается синее пламя, острыми иглами впивается в кожу, высасывает силы и жизнь.

«Иди ко мне, человечек. Иди вместо меня!»

И он уже готов. Вот прямо сейчас шагнуть в хрустальный мир, по самые локти засунуть руки в россыпь золота и самоцветов, заменить черного стража на веки вечные. Сейчас-сейчас...

– ...Гальяно! – Кто-то раздражающе настырный мешает смотреть и слушать, отвлекает. – Гальяно, что с тобой?!

И оплеуха, одновременно сильная и оскорбительная, вышибающая из головы все мысли и желания, разрушающая хрупкий хрустальный мир.

Гальяно пришел в себя, когда хрустальный шар взорвался у него в руках, просыпался на стол тысячей осколков.

– Мама дорогая! – Он откинулся на спинку кресла, вытер выступивший на лбу пот и только потом посмотрел на стоящего по ту сторону стола Дэна.

– Ты что-то видел? – Дэн был не бледный даже, а серый. – Ты ее видел?!

Прежде чем ответить, Гальяно смахнул со стола осколки, закурил.

– Видел. – Он кивнул. – Там, в шаре... Как в тот раз... на гари, в самую темную ночь. – Это был не призрак, это было видение, как воспоминание о прошлом. Понимаешь?

Дэн молча кивнул, выбил из лежащей на столе пачки сигарету, тоже закурил.

– Воспоминания? Только лишь? – В его голосе слышалось отчаяние.

– Не только. – Гальяно сглотнул колючий ком. – Там был мужик. Я видел его со спины и не могу сказать точно, кто он такой. У него была лопата, и это точно не Лешак.

– Почему?

– Лешак выше и крупнее.

Дэн смотрел в черный провал окна, слушать про мужика с лопатой ему было неинтересно, он хотел слушать только про Ксанку.

– А еще я, кажется, знаю, что там под землей. – Дым от их с Дэном сигарет не спешил развеиваться, сплетался полупрозрачными жгутами, превращался в мертвое дерево, то самое дерево с Чудовой гари.

– Что? – спросил Дэн, не отводя взгляда от окна, не обращая внимания на призрачное дерево.

– Там гроб, заполненный драгоценностями, золотом, украшениями. Под завязку почти заполненный. – Руки дрожали, сотканное из дыма дерево пошло рабью, растаяло в полумраке кабинета.

– Гроб?..

– Помнишь, Туча рассказывал, как видел, что из-под земли поднимается что-то большое и длинное? Он видел этот гроб, я в этом почти уверен. Но это еще не все. – Гальяно затянулся глубоко, до боли в легких. – Там в гробу – покойник. Обгоревший, почерневший... Я видел его, как тебя сейчас, и он меня тоже видел, разговаривал со мной.

– Как разговаривал? – Лицо Дэна было сосредоточенным.

– Зазывал в гости, предлагал сменить его на боевом посту.

– На каком боевом посту?

– Он сторожит это золото. Это его золото! Понимаешь?

– Это он тебе сказал?

– Это я сам знаю. Бывает так: знаешь, но не можешь объяснить откуда.

– И кто он?

– Понятия не имею. – Гальяно пожал плечами. – Он забыл представиться.

– Обгорелый, почерневший...

– Мне так показалось.

– Чудо?

– Тот, кого сожгли в лесу в восемнадцатом? – Свободной рукой Гальяно помассировал переносицу. – Тот, чье тело так и не нашли?

– Похоже на то, – Дэн кивнул.

– Даже очень похоже, и понятно становится кое-что.

– Что?

– Что немцы искали в сорок третьем. Зачем Суворов ходил в лес. Вот за этим чертовым гробом! Вернее, не за гробом, а за тем, что в нем хранится. Клад они искали!

– А откуда там вообще клад?

– Да мало ли откуда! Граф Шаповалов, прежний владелец усадьбы, был очень состоятельным человеком. Это раз. Красноармейцы до него могли еще кого-нибудь потрясти. Это два. Может, граф сам богатство припрятал от греха по-

дальше, а может, Чудо не захотел делиться награбленным с советской властью.

– Так сильно не захотел, что сам в гроб улегся? – усмехнулся Дэн. – И зачем в гроб? Странно...

– А в этом деле все странно, с самого первого дня. И гроб, мне кажется, еще не самая большая странность. Про гарь и блуждающий огонь мы ведь так ничего и не поняли. И про Ксанку... – Гальяно бросил на друга быстрый взгляд. – Почему-то ведь ее тянуло к гари, кто-то тянул...

– Да, не поняли. – Дэн загасил сигарету, и только сейчас до Гальяно дошло, что друг его курит. Сначала сигару, теперь вот сигарету. – А про мужика что можешь еще сказать? – спросил он. – Кто, по-твоему, это мог быть?

– Не знаю. – Гальяно развел руками. – Кто угодно. Со спины не разобрать. Но, сдается мне, мужик этот знал, что делал. Он ждал, когда гроб поднимется на поверхность.

– А он поднялся?

– Да. Именно так, как и описывал Туча. Вот такой приколный мобильный гроб.

– И этот мужик получил то, что хотел? Драгоценности, я имею в виду.

– Не знаю. Я не увидел, чем там дело кончилось. Когда покойничек на меня зыркнул и заговорил, мне как-то не до того стало. Меня другое интересует. Откуда у мужика лопата, и что это вообще за лопата.

– Думаешь, это он мог напасть на Суворова?.. Думаешь,

это та самая лопата, которой его искалечили той ночью?

– Не знаю. Помнишь, окровавленную лопату нашли у дома Лешака, и все улики тогда были против него, но все равно как-то подозрительно. Никто ведь даже не догадывался, что в той истории мог быть еще один фигурант.

– Сообщник Лешака?

– Может, сообщник, а может, и нет. Эх, не увидел я его лица...

– А Ксанка? – уже в который раз спросил Дэн. – Что она делала в твоём видении? Какой она была?

– Какой? Такой же, как раньше. Она парила над гарью. Помнишь, как в ту ночь? Старик, ты пойми, – Гальяно подался вперед, – это не спиритический сеанс. Я не видел ее дух или призрак, это была картинка из прошлого. Словно чьи-то воспоминания.

– Чьи?

– Не знаю я! – Сколько раз за этот вечер Гальяно уже отвечал «я не знаю». Почти на каждый Дэнов вопрос, кажется. – Прибраться нужно. – Он обвел взглядом осколки хрустального шара. – Где у тебя веник?

Вдвоем они убрались за пару минут.

– Хочешь есть? – Дэн глянул на часы.

– Не откажусь.

– Готовить уже нет никаких сил, но зато у меня имеется на примете отличный ресторан. Поехали?

Предложение Гальяно принял с энтузиазмом. После спи-

ритического сеанса оставаться дома не хотелось, хотелось развеяться и чего-нибудь кулинарно-изысканного. В конце концов, он приехал в столицу именно затем, чтобы развеяться.

Ресторан Гальяно понравился. Небольшой, уютный, «только для своих». «Своих» в этот вечер оказалось полно, как показалось Гальяно, в зале негде было яблоку упасть. Но Дэн перекинулся парой фраз с метрдотелем, и свободный столик организовался самым чудесным образом в самом чудесном месте, уединенном, но с видом на маленькую сцену, на которой настраивал инструменты джазовый оркестр.

– Ты тут ВИП-персона, – улыбнулся Гальяно, любуясь до хруста накрахмаленными, белоснежными салфетками.

– Я тут один из инвесторов. – Дэн приветливо кивнул проходившей мимо их столика барышне с умопомрачительным декольте. Барышня улыбнулась в ответ, задержала на Гальяно заинтересованный взгляд. Ему хотелось думать, что заинтересованный. – Инвестор и товарищ шеф-повара. – Дэн раскрыл меню, спросил: – Ну, чего желает дорогой гость?

Дорогой гость желал всего и побольше, но взгляд его тут же запутался во множестве незнакомых и непривычных русскому глазу названий.

– Мяса хочу, – сказал он наконец. – Вкусного мяса, – уточнил на всякий случай. – А еще какого-нибудь салатика и выпить.

– Посыл ясен. – Дэн кивнул, подозвал официанта.

Уже через пару минут перед Гальяно дымилась тарелка с запеченным мясом, если верить аромату, очень вкусным мясом, а в пузатых бокалах плескался коньяк.

– Эх, хорошо у вас тут в столицах! – заключил Гальяно, пригубив коньяк. – Чувствуется особенное биение жизни.

– А у вас биение жизни какое-то другое? – усмехнулся Дэн.

– У нас его вообще нет. Рутинка, болото, тоска...

– Так, может, останешься? Толковые ребята везде нужны. Тем более с твоими талантами. – Дэн посмотрел на него многозначительно, во взгляде его была тоска, наверное, вспомнил о неудавшемся спиритическом сеансе.

– Может, и останусь. Вот возьму и в самом деле останусь! Понаеду к вам, столичным! Я ж не дурак вроде бы. Руки, ноги, голова – все при мне.

Здесь, в уютном ресторане, под аккомпанемент джазовой музыки все казалось легким и возможным, прошлое отступало, а будущее манило удивительными перспективами.

Вечер тек неспешно, приятели расслабились, размякли от хорошего коньяка и отличной кухни. Идиллию нарушил официант. Он возник перед их столиком с подносом в руках. На подносе лежало два одинаковых конверта.

– Просили передать. – Официант бережно, точно хрустальную вазу, поставил поднос на середину стола.

– Нам? – удивился Гальяно.

– Вам. – Официант кивнул.

Конверты были необычные, из черной, шелковистой на ощупь бумаги, с золотым тиснением и самыми настоящими сургучными печатями.

– Господину В. Гальянову, – прочел Гальяно.

– И господину Д. Кирееву, – подхватил Дэн, с интересом разглядывая конверты.

– Это любовная записка от шеф-повара? Крутой у вас тут сервис!

– Это не от шеф-повара. – Дэн вскрыл адресованный ему конверт, углубился в чтение. С каждой секундой выражение его лица становилось все более сосредоточенным.

– Ну, что там? – спросил Гальяно. Открывать свой конверт ему вдруг расхотелось.

– Прочти. – Дэн отложил письмо, разлил по бокалам коньяк.

– Что-то серьезное? – Гальяно взломал сургучную печать.

– Как минимум, необычное.

– Вот только необычностей нам и не хватало для полного счастья, – буркнул он и развернул письмо.

Гальяно прочел раз, потом другой, вдохнул, выдохнул, поверх письма посмотрел на Дэна, наблюдавшего за его реакцией.

Письмо было предельно коротким, предельно вежливым и предельно информативным. Некий Алекс Книт, делопроизводитель Степана Владимировича Тучникова, от лица своего шефа приглашал их провести несколько недель в некоем

загородном поместье «Волки и вепри». Дальше шел адрес поместья – как будто они могли его забыть! – и контактные телефоны делопроизводителя. По всей вероятности, даже со старыми друзьями господин Тучников нынче предпочитал общаться исключительно через секретаря. Что поделать, у богатых свои причуды.

Туча, или, как значилось в письме, Степан Владимирович Тучников, был не просто богат, а очень богат. Гальяно своими собственными глазами видел его фамилию в списке миллионеров Форбс, и не на последней строчке, надо добавить. Туча унаследовал свою империю от отошедшего от дел по причине болезни отца. Поговаривали, что унаследованное Степан удвоил, а то и утроил, что был он не просто богат, но еще хитер и ловок. Это их-то Туча! А еще был он замкнут, избегал прессы и публики, вел уединенный образ жизни где-то на собственном острове посреди Средиземного моря.

Туча был единственный из их четверки, кто после расставания так больше и не вышел на связь. Ладно раньше, в дикие девяностые! Но сейчас, в просветленный двадцать первый век, когда миром правит Интернет... Гальяно специально завел странички в самых популярных соцсетях в надежде, что когда-нибудь блудный Туча все-таки объявится.

И он объявился! Вот таким старомодным, но не лишенным изящества образом. Туча, олигарх, чудака и, по слухам, мизантроп, приглашал их в гости. И не куда-нибудь на остров в Средиземном море, а в их прошлое...

– Как тебе ход конем? – Гальяно залпом выпил свой коньяк. – Тебя, я так понимаю, тоже в гости приглашают?

– Приглашают. – Дэн побарабанил пальцами по письму, а потом спросил у ошивающегося поблизости официанта: – Вы видели, кто передал эти конверты?

– Видел, – официант кивнул.

– Можете его описать?

– Я могу его вам даже показать. Вон тот молодой человек. – Он мотнул головой в сторону барной стойки. Там спиной к ним сидел какой-то тип. Точно почувствовав направленные на него взгляды, он обернулся, приветственно взмахнул рукой.

– Просто какой-то вечер чудес! – Гальяно торопливо встал из-за стола. – Дэн, ты видишь, что это за перец нам машет?!

– Вижу! – Дэн улыбался от уха до уха.

А тип тем временем отклеился от барной стойки и неспешным шагом направился к их столику.

– Ну, привет, друг! – Он заключил обалдевшего Гальяно в крепкие мужские объятия. – Дэн, рад тебя видеть, старик!

– Матюха! – заорал Гальяно на весь ресторан. – Матюха, каким шальным ветром тебя сюда занесло?

Он отстранился, пропуская к Матвею Дэна, с жадным любопытством отмечая, каким стал третий из их славной четверки.

Матвей почти не изменился. Только лишь возмужал. Так ведь все они возмужали, черт побери! Не безусые юнцы, чай!

– Сейчас все расскажу. – Матвей уселся на услужливо придвинутый официантом стул. – Налейте-ка мне чего-нибудь покрепче за встречу!

Матвей

Алена улетела на стажировку в Канаду. Аж на три месяца улетела, оставив Матвея сиротинушкой. Без любимой жены и жизнь была не в жизнь, и наступившее лето уже не казалось таким долгожданным и привлекательным. Видя хандру мужа, Алена даже пыталась отказаться от стажировки, но Матвей не позволил. Он как никто другой знал, что значит для нее профессия. Кардиохирург – шутка ли! Отличный, между прочим, кардиохирург! А заграничные курсы под ногами не валяются. Сегодня откажешься, завтра могут и не предложить. Вот так он Алене и сказал, собственноручно помог упаковать чемоданы, лично отвез в аэропорт, всю дорогу шутил и веселил поникшую Алену и, только оставшись один, дал волю чувствам – захандрил.

В пустой квартире без любимой жены было одиноко и даже как-то неуютно, в офисе – душно и малоллюдно. Лето и свалившаяся на город небывалая жара разогнали всех клиентов, и теперь на работу в офис Матвей ходил скорее по инерции, чем по долгу службы.

Тот пятничный день тянулся особенно долго. Матвей уже собирался закрыть контору и с баночкой холодного пива завалиться на диван перед телевизором, когда стоящий на его рабочем столе ноутбук тихо пискнул, извещая о новом электронном письме. Адрес отправителя был Матвею незнаком,

и какое-то время он раздумывал, отправить ли письмо в папку «спам», прочесть прямо сейчас или уже после выходных. Любопытство взяло верх над ленью. Любопытство и данное Алене честное слово.

Идея завести сайт, рекламирующий услуги его маленького детективного агентства, принадлежала именно Алене. Она свято верила, что будущее за высокими технологиями и что тратить деньги нужно не только на закупку новейшего «шпионского» оборудования, но и на рекламу агентства на просторах Всемирной паутины.

Сайт работал уже три месяца, но от этого клиентов не становилось больше, на контактный адрес большей частью слали всякий рекламный мусор, от которого сам Матвей или его секретарь Люся избавлялись в начале каждого рабочего дня. Если бы не данное Алене обещание, Матвей бы уже давно забросил это дело, но Алена верила в успех их затеи, и он каждое утро исправно заглядывал на стильную и весьма симпатичную страничку собственного полудохлого сайта.

– Спам, – сказал Матвей полувопросительно и кликнул по мигающей в углу монитора иконке с изображением конверта.

Это письмо не было спамом. Мало того, в этом письме имелось весьма соблазнительное предложение. Некий Алекс Книт, секретарь клиента, пожелавшего сохранить инкогнито, предлагал господину Плахову работу по розыску двух человек. Аванс за работу был обещан весьма солидный

и в случае удачного выполнения заказа у Матвея появлялись все шансы сделать наконец ремонт в их с Аленой «двушке». Смущал его лишь один-единственный момент: в случае согласия аванс ему надлежало снять с некоего виртуального счета, опять-таки анонимного и не опознаваемого. Однажды Матвей уже принял подобного рода предложение. Не то чтобы он сильно пожалел о тогдашнем своем решении, ведь благодаря этому в его жизни появилась Алена, но случившееся с ними год назад до сих пор вспоминал с дрожью в сердце. И вот опять непонятный счет, анонимный наниматель.

Матвей шкурой чуял: на письмо нужно отвечать быстро, возможно, даже сиюминутно, а впереди выходные и практически никаких планов на жизнь. Была не была!

Он был осторожен и дипломатичен, наводящие вопросы задавал корректно и предельно тактично, но в то же время настойчиво. Играть вслепую в не пойми какую игру отказывался, но был готов к переговорам. Матвей несколько раз перечитал свой ответ, кликнул на «отправить» и откинулся на спинку кресла. Выключать ноутбук он не спешил. Мало ли, вдруг анонимный заказчик выйдет на связь.

Интуиция не подвела. Ноут призывно пискнул уже через двадцать минут. На сей раз письмо оказалось совсем коротким, по сути оно состояло из одного-единственного предложения. «Вас хочет нанять Степан Владимирович Тучников». Вот каким был ответ.

Матвей со свистом втянул в себя воздух, задумчиво

взъерошил волосы. Туча! Его хочет нанять на работу Туча! Вот такие удивительные дела!

Он не стал отвечать тем же днем, решил обмозговать все на выходных. Матвей знал, каким человеком стал Туча, не единожды читал о нем в газетах и Интернете. Единственный из их четверки, кто ушел, не прощаясь, кто не вышел на связь ни спустя год, ни спустя десять лет. Хотя нет, отчего же?! Вот он и вышел. Даже собирается предложить ему, Матвею, какую-то работу. Сказать по правде, первым желанием было послать Тучу с его приобретенным снобизмом и миллиардами куда подальше, может, вообще не отвечать на письмо. Ведь когда-то они были друзьями, столько пережили вместе, пуд соли съели, а теперь что же? Теперь единственное, на что способен Туча, это на сухое, отдающее казенщиной письмо. Да и то написанное не собственной рукой, а рукой секретаря. Обидно. Чертовски обидно, если уж начистоту.

Рабочий почтовый ящик Матвей следующий раз отрыл только ночью. И ведь не собирался вовсе. С какой это стати заниматься делами посреди выходного дня?! Но вот дернул черт.

В ящике было одно-единственное письмо, все от того же Александра Книта. Секретарь Тучи извинялся за то, что господин Тучников не может связаться с господином Плаховым лично по причине перенесенной тяжелой операции, но передает привет и настоятельно просит не отказываться от пред-

ложения, потому как дело, которое он собирается расследовать, весьма важное и касается событий тринадцатилетней давности.

События тринадцатилетней давности... Под ложечкой за-сосало, а открытое по случаю выходного пиво вдруг начало немилосердно горчить. Не хотел он ничего знать про события тринадцатилетней давности. Его бы воля, он бы забыл даже то, что знал. Но Туча просит о помощи, пусть даже таким слишком уж формальным способом, но ведь просит же. Деньги предлагает приличные... Впрочем, деньги – это ерунда. Нет, они, конечно, никому не помешают, но брать деньги у друга, пусть даже и такого чудного, как Туча, он не станет.

Матвей открыл еще одну банку пива и включил Скайп. Они общались с Аленой по Скайпу каждый божий день. Так обоим было проще пережить расставание, так обоим казалось, что разделяют их не моря-океаны, а всего несколько километров. Алена про ту давнюю историю знала если не все, то почти все. Как-то так получилось, что Матвей рассказал ей то, что не рассказывал больше ни единой живой душе.

– И что ты решил? – Жена была встревожена, но Матвей чувствовал, что она поддержит его при любом раскладе.

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Наверное, соглашусь.

– Самая темная ночь должна наступить этим летом. – Алена не спрашивала, она констатировала факт, и Матвей вдруг пожалел, что рассказал ей об их давних приключениях. Нет,

не потому что не доверял, просто теперь она станет переживать, волноваться. А зачем же ей волноваться за него?! У нее поводов для переживаний и так хватает. Заграничная стажировка как-никак.

– Я думаю, ты должен согласиться. – Алена улыбнулась с экрана ноутбука. – Та история ведь не закончена. Правильно?

Матвей молча кивнул. Так и есть, теперь, уже будучи взрослым и умудренным некоторым жизненным опытом, он понимал, не все так гладко и разумно, как рассказал ему тринадцать лет назад следователь Васютин. У него не раз возникали вопросы, на которые, как бы он ни врал самому себе, до сих пор хотелось получить ответы.

Кем на самом деле был Турист? Почему той ночью в руках у него оказалось оружие? Почему показаниям его следствие поверило так быстро и безоговорочно? И самое главное, почему им не позволили проститься с Ксанкой? Пусть Васютину и не нужно было их присутствие на опознании, но этот неплохой и незлой в принципе мужик запросто мог организовать им последнюю встречу. Мог, но не стал... Пощадил их чувства? Или причина в чем-то другом?

Вопросов было много, ответов на них у Матвея не было, а тут такой шанс. И Алена не возражает. Кажется, не возражает. Если не брать во внимание этот тревожный блеск в ее глазах и настороженную складочку между бровями. Да, она волнуется, но она знает его лучше остальных. Знает этот его

непрекращающийся зуд и жажду приключений.

– Волноваться незачем, – сказал он и тоже улыбнулся. – Я большой, хорошо подготовленный мальчик, у меня даже есть пушка.

– Я знаю, но ты все равно поаккуратнее там, и про меня не забывай, я всегда на связи. Каждый день, – сказала Алена строго.

– Уяснил, только, знаешь, там глухомань. Во всяком случае, была раньше. Вдруг проблемы какие с Интернетом. Вдруг нет вообще никакого Интернета.

– Это у олигарха-то нет Интернета? – Алена недоверчиво усмехнулась.

– Не забывай, Туча не простой олигарх, а если верить слухам, еще и большой чудак. Он вон вообще на необитаемом острове живет уже который год. Так что с него станется. Если вдруг не выйду на связь, не переживай.

– Буду, – сказала Алена. – Буду переживать. И, знаешь что, если на связь ты не будешь выходить долго, я к тебе прилечу. Плюну на стажировку и прилечу. – Она погрозила Матвею пальчиком, и он подумал, что ведь и в самом деле прилетит. Так что придется олигарху Туче все-таки раскошелиться на какой-никакой Интернет.

Они проговорили с Аленой больше часа, а потом Матвей уселся сочинять письмо Алексу Книту.

Дэн

Они просидели в ресторане до глубокой ночи, а потом всей нетрезвой и шумной командой завалились спать к Дэну. Матвей пытался было вернуться в отель, но Дэн его не пустил. Еще чего не хватало: в кои-то веки собрались все вместе, какой, к чертовой бабушке, отель!

Той душной июньской ночью его терзали самые разные, самые противоречивые чувства, от острой мальчишеской радости до смутной тревоги и ожидания чего-то неизбежного. Туча – молодец! Пусть все эти годы он и держался особняком, пусть не давал о себе знать, но ведь это именно он решил собрать их всех вместе, вернуть в прошлое. Им понадобилось напиться до чертиков, чтобы признаться друг другу и самим себе, что все эти годы самая темная ночь не отпускала никого из них, что она оставила в сердце каждого незаживающую рану, загадала вопросы, на которые до боли, до зубовного скрежета хотелось получить ответы.

Выехали утром следующего дня. Решили не откладывать дело в долгий ящик, а нагрнуть к старому товарищу вот так, неожиданно-негаданно. Еще не пришедшие в себя от недавней попойки, с гудящими от похмелья головами, но полные решимости и азарта. Ехали двумя машинами: Дэновой и Матвеевой. Всю дорогу Гальяно кочевал из одного автомобиля в другой, развлекая их профессиональными байками и лег-

ким трепом. Привал решили сделать, когда до места оставалось меньше сотни километров. В трубке у ехавшего впереди Дэна раздался бодрый голос Гальяно:

– Перекур, старик!

Дэн свернул на проселок, заглушил мотор. Из запыленной «Ауди» выдрались Матвей с Гальяно.

– Эх, лепота! – Гальяно потянулся до хруста в суставах, запрокинул лицо к блеклому от полуденного зноя небу. – Раздолье!

Даже после попойки и всего нескольких часов сна выглядел словно английский денди, свежо и щеголевато: гладко выбритый, благоухающий дорогим одеколоном. Пижон!

– Я вот все думаю, – в глазах его зажегся уже знакомый Дэну азартный огонек, – Туча наш – тот еще затейник! Тихой сапой ишь чего удумал: собрать всю банду в одном месте, в том самом месте.

– В то самое время, – добавил Матвей многозначительно.

– Думаешь, он узнал что-то новое? – Сердце снова заныло, кольнуло глупой надеждой на несбыточное.

А почему, собственно, несбыточное? Туча богат, у него практически неограниченные ресурсы и, возможно, доступ к информации, до которой простому смертному не добраться никогда. Может, он знает... Может быть, расскажет, где искать Ксанку... Ксанкину могилу...

– Не исключено, – вместо Гальяно сказал Матвей. – Вы же знаете Тучу, он такой... молчит-молчит, а потом как вытво-

рит что-нибудь. Не верю, что он все забыл. Да и непохоже, что забыл, коль уж мы здесь и в карманах у нас приглашения на бал. Он что-то задумал, это факт.

– А мы готовы? – Гальяно протянул им с Матвеем пустую пачку сигарет. – А, вепри, тряхнем стариной?!

– Мы подготовились. – Матвей приподнял рубаху, продемонстрировав кобуру с пистолетом. – Мы уже не те мальчишки, что были раньше, научились кое-чему. – Он вытащил одну сигарету, передал пачку Дэну.

– Круто! – Гальяно восхищенно присвистнул, потянулся за пистолетом, но получил по рукам и обиженно фыркнул. – Не очень-то и хотелось, мистер Шерлок Холмс.

– Это не игрушка – боевой ствол. – Матвей усмехнулся, одернул рубаху.

– Боевой ствол! Какие мы крутые! Ничего-ничего, Мотя! У меня свое собственное оружие. Может, еще и покруче твоего будет. У кого вот тут, – он постучал себя пальцем по виску, – не опилки, тому пушки не нужны.

– А ухо отстрелить за Мотю? – Матвей сделал вид, что снова тянется к кобуре.

– Боюсь я тебя, – отмахнулся Гальяно и тут же спросил: – Интересно, а что сейчас в усадьбе? Кто-нибудь узнавал?

– Ничего. – Дэн закурил. – Заброшена уже больше десяти лет. После того случая, – он затянулся и зажмурился от сжимающей сердце боли, – после того случая лагерь закрыли. Шаповалова, директора, кажется, даже пытались привлечь к

уголовной ответственности за халатность, но потом все замяли.

– Шаповалов этот – хитрый жук, – кивнул Гальяно. – Неудивительно, что выкрутился. Хотя я бы лично его поприжал, порасспрашивал о том о сем.

– Усадьбу взяли в аренду год назад, отреставрировали, довели до ума, – сказал Матвей. – Угадajte кто?

– А здесь и медиумом не нужно быть. – Гальяно пожал плечами. – Кто у нас тут всемогущий?

– Туча? – уточнил Дэн, хотя уже знал ответ.

– Он самый. Я как узнал, что он вернулся в наши палестины, специально проверил по своим каналам. – Матвей кивнул. – Хотел фотографии в Интернете нарыть, но ничего не нашел. Есть только снимки почти пятнадцатилетней давности, а нового ничего.

– Шифруется наш олигарх. Интересно, с чего бы это?

– Скоро узнаем. – Дэн погасил сигарету. – Ну что, по коням?

– Все ж таки не променяю я вольную волю на вашу столичную суету! – Гальяно обвел окружающий их лес влюбленным взглядом. – По коням!

В Макеевке за минувшие тринадцать лет почти ничего не изменилось, разве что посреди деревни вырос новый продуктовый магазин с пластиковыми окнами, кондиционером и крышей из синей металлочерепицы. Жизнь в деревне текла неспешная, размеренная. Старики чинно сидели в тенишке

на лавочках. По дороге, поднимая столбы пыли, гоняли на великах дочерна загорелые мальчишки. Дремали на заборах разномастные коты, с возмущенным квохтаньем выпархивали прямо из-под колес бестолковые куры. Объезжая пересекающий дорогу выводок гусей, Дэн думал о том, что не отдыхал уже много лет и что запросто мог бы прожить все лето в Макеевке, гоня наперегонки с местными пацанами, купаясь в реке, отовариваясь пивом в магазине под синей крышей. Мог бы, если бы каждая избушка, каждый изгиб дороги, каждый куст не напоминали ему о том, что произошло здесь много лет назад. Если бы впереди, за поворотом, их не ждало некогда позаброшенное, а теперь заново отреставрированное и заселенное поместье с нелепым названием «Волки и вепри».

Подъезжали, как и в юности, к центральному входу.

– А заборчик-то наш олигарх поменял, – сообщил Гальяно, уместившийся на пассажирском сиденье в Дэновой машине.

Забор и в самом деле поменяли. Он и раньше-то был не низкий, а сейчас поражал воображение своей неприступностью и понатыканными по периметру камерами наблюдения. Ворота тоже поставили новые, массивные, раздвижные.

– Да, охраняет неприкосновенность арендованного жилища Туча очень хорошо, – усмехнулся Дэн.

– Я слышал, он нынче любит уединение, – поддакнул Гальяно. – Остров прикупил, от папарацци скрывается. Может,

посигналить?

– Зачем? Нас и так видят. – Он указал на камеру наблюдения.

– Непрístupная крепость какая-то! – Гальяно пожал плечами, едва не по пояс высунулся из машины, заорал: – Эй, есть кто живой?! Отпирай ворота!

– Да угомонись ты! – Дэн дернул его за рукав. – Сейчас откроют.

Глаз видеокамеры изучал их довольно долго, Гальяно успел закурить и почти полностью выкурить сигарету, а потом стальные ворота бесшумно разъехались, пропуская их на территорию поместья. На крыльце переоборудованной, оснащенной пультом наблюдения сторожки стоял детина в камуфляже. Детина смотрел на них с подозрительным прищуром – того и гляди потребует показать документы. Не потребовал, лишь приветственно махнул рукой и скрылся в сторожке, а Дэн направил автомобиль в сторону дома.

Несмотря на то, что забора и будки охранника коснулись глобальные изменения, с домом и флигелями Туча обошелся максимально бережно. Если и была проведена реставрация, то очень деликатная, почти незаметная глазу. Даже цветы на клумбах, кажется, колосились те же самые. Дэн глянул на заросшую одуванчиками лужайку, и сердце снова сжалось от боли. Всего на мгновение, на какую-то долю секунды, ему показалось, что посреди лужайки он видит Ксанку. Показалось...

На территории поместья было подозрительно тихо, за все время Дэн не увидел ни единой живой души. Он, конечно, не рассчитывал, что усадьба под завязку населена жильцами, но царящая вокруг тишина давила на уши и вселяла в сердце тревогу.

– Как-то малоллюдно у них тут, – сказал Гальяно и выпрыгнул из машины. – Но в целом ничего почти не изменилось. Скажи, братан!

Дэн кивнул в ответ и тоже выбрался из машины. От припаркованной рядом «Ауди» к ним уже спешил Матвей.

– Мне кажется или нам здесь не рады? – Гальяно обвел взглядом пустой двор. – Где фанфары? Где хлеб-соль?

– Мы же только завтра должны были приехать, – напомнил Матвей. – Нас просто еще не ждут.

Он ошибся – их ждали. Дверь особняка распахнулась, и на крыльцо вышла девушка в строгом, почти мужского кроя брючном костюме. Была она миниатюрная, элегантная, стильная и... холодная как айсберг. Во всяком случае, Дэну так показалось. Пока незнакомка приближалась к ним неспешным шагом, он успел ее рассмотреть и еще раз утвердиться в правильности первого впечатления. Аккуратные черты некрупного лица, карие глаза, тронутая золотистым, явно нездешним загаром кожа, прямая челка, белые волосы до плеч. Или не белые, а выбеленные, кто ж разберет этих женщин? Блондинка смотрела прямо ему в глаза, по-мужски, внимательно и чуть настороженно, на ее почти идеаль-

ном лице не было и тени улыбки.

– Добрый день. – Дэн решил, что нужно брать инициативу в свои руки. Он даже улыбнулся незнакомке. – А мы...

– Я знаю. – Она кивнула, накрашенные бледно-розовой помадой губы растянулись в напряженной и какой-то неискренней улыбке. – Вы – гости Степана. – В ее хриловатом голосе слышался едва уловимый акцент. Дэн не мог понять, какой именно, но в том, что барышня не из здешних краев, был почти уверен.

– Мы должны были приехать только завтра, – поддержал Дэна Матвей, – но вот так получилось. – Он развел руками. – Не удержались, явились раньше. Меня зовут Матвей Плахов, – он кивнул незнакомке.

– Очень приятно. – Она протянула Матвею руку. На тонком запястье блеснули изящные часики. – Степан сказал, что вы скорее всего приедете именно сегодня, поэтому у меня все готово. Я Алекс, Алекс Книт. Это я вела с вами переписку.

Вот те раз! Дэн посмотрел на девушку с возрастающим интересом. Они-то думали, что Алекс Книт – это мужчина, а тут такая нордическая пава.

– Алекс – это Александра? – вперед выступил Гальяно. Он сиял как начищенный пятак, а своей элегантностью грозился затмить всех в радиусе ста километров. Даже вот эту паву. – Должен признать, у Тучи, то есть у Степана, хороший вкус, если в качестве секретаря он выбрал такую... – он склонился

перед барышней в галантном поклоне, – такую красавицу. Я – Василий Гальянов, но для вас, Алекс, я просто Гальяно.

– Рада встрече, Гальяно. – Взгляд барышни потеплел, а улыбка сделалась не вымученно-вышколенной, а чуть более искренней. – Вы совершенно правы, мое полное имя Александра, но друзья и близкие зовут меня Алекс.

– И я могу? – Гальяно хитро сощурился. – Могу рассчитывать на то, что меня примут в эту когорту избранных?

Вот ведь жук! Дэн постарался скрыть усмешку. Похоже, сердечные раны их друг Гальяно залечит очень скоро. Вполне вероятно, что не без помощи этой иностранки с почти безупречным русским.

– Вы уже в этой когорте. – Алекс кивнула. – Друзья Степана – мои друзья. – Она вопросительно посмотрела на Дэна. – Господин Киреев, я правильно понимаю?

– Рад знакомству, Алекс. – В отличие от Гальяно, Дэн не стал лобызать протянутую руку, лишь осторожно коснулся тоненьких наманикюренных пальчиков. Вопреки ожиданиям, рукопожатие у субливной Алекс оказалось крепким, почти мужским. – Надеюсь, мы вас не слишком затрудним?

– Нисколько. – Она покачала головой. – Как я уже говорила, у меня все готово к вашему приезду. Я даже не поехала с остальными, чтобы встретить вас. – По фарфоровому личику Алекс пробежала тень.

– Позвольте спросить, а куда уехали остальные? – Матвей многозначительно посмотрел сначала на Дэна, потом на

вмиг посерьезневшего Гальяно.

– В город, на поминки. – Алекс говорила сухо, точно зачитывала вырезку из газетной статьи. – Сегодня сорок дней с момента смерти давнего знакомого Степана. Они познакомились здесь, в поместье. Думаю, вы тоже должны его знать. – Она замолчала, посмотрела на них выжидающе.

– О ком вы, Алекс? – Матвей на правах частного детектива взял бразды разговора в свои руки.

– О Максиме Суворове. Степан рассказывал, что когда-то давно он был у вас воспитателем.

– Командиром, – машинально поправил ее Гальяно. – Суворов был командиром отряда вепрей, нашего отряда. Что с ним случилось? Несчастный случай? Он ведь еще молодой был. Или последствия травмы? – Теперь уже Гальяно обвел их с Матвеем встревоженным взглядом.

– Максима убили. – Алекс сказала это так спокойно и так равнодушно, точно и в самом деле цитировала им заметку из газеты. Заметку или некролог...

Дэну вдруг захотелось встряхнуть эту нордическую куклу за хрупкие плечи, заорать что-нибудь злое и грубое. Человека убили, а она стоит тут разряженная, стильная, с этим своим дурацким иностранным акцентом...

– Как убили? Кто? – в один голос спросили Матвей и Гальяно.

– Я не знаю. – Она пожала плечами. – Идет следствие. Степан тоже подключился. Наверное, он рассчитывает и на ва-

шу помощь, господин Плахов. Вы же частный детектив.

– Зовите меня Матвеем, не нужно официоза. Если Туче... если Степану нужна наша помощь, мы поможем. Ведь так же, ребята? – Он обернулся, посмотрел на них вопросительно.

Дэн ограничился кивком. А что еще говорить, когда и так все ясно? Туча позвал их в поместье не за тем, чтобы предаваться воспоминаниям, в усадьбе произошло еще одно убийство. Или не в усадьбе?..

– Где нашли тело? – спросил он, почти с отвращением всматриваясь в вежливо-равнодушное лицо Алекс.

– Возле Чудовой гари. Если вам это о чем-нибудь говорит. – Наверное, она почувствовала его неприязнь, потому что мгновенно подобралась, как кошка, готовая к прыжку. Кошка, которой наступили на хвост, на ее белый, пушистый хвост...

– Нам говорит, – Дэн кивнул. Сказать по правде, он ожидал такой ответ.

– Самая темная ночь, – мрачно сказал Гальяно.

– Простите? – Алекс удивленно приподняла бровь.

– Скоро начнется самая темная ночь, – сказал Дэн максимально вежливо. – Степан вам ничего про нее не рассказывал?

– Нет.

– А вы любопытствуйте.

– У меня нет привычки задавать боссу лишние вопросы. Все, что мне нужно, я узнаю сама, – сказала Алекс со зна-

чением и тут же радушно улыбнулась: – Что же я держу вас на пороге?! Позвольте, я покажу вам ваши комнаты, а потом распорядюсь насчет обеда.

Она развернулась на каблуках и, не дожидаясь, пока они двинутся следом, пошагала в сторону флигеля. Того самого флигеля, в котором они жили тринадцать лет назад.

– Ох, чует мое сердце недоброе, – проворчал Гальяно. – Ох, и аукнется нам еще эта история.

– Аукнется, – согласился Дэн. – Тут и к бабке не ходи. Но убит Суворов, и если Туче нужна наша помощь, мы ему поможем.

– Поможем. – В голосе друга послышалось что-то такое... Странное. Не неуверенность и не страх перед неизвестностью, а какая-то прозрачная, несвойственная легкомысленному Гальяно тоска. – Интересно, кого мы тут еще встретим из старых знакомых.

Вот и причина его тоски. Неужели прекрасная Мэрилин до сих пор тревожит сердце этого отпетого ловеласа? Первая любовь... Ему ли не знать, какой крепкой, какой горькой может она быть...

Снаружи флигель казался прежним, но внутри был полностью перепланирован. Теперь в нем имелось три просторных, комфортабельных комнаты со всеми удобствами и что-то вроде гостиной в том конце здания, где раньше располагались душевые. Похоже, Туча заранее готовился к их приезду. Дэн был почти уверен, что он готовился. Еще до гибели

Суворова... В таком случае позвал он их по какой-то другой причине.

– А круто тут! – Гальяно толкнул ближайшую к ним дверь, шагнул в просторную комнату. – Чур, это моя! Мы же именно здесь раньше жили, если не ошибаюсь. Вон и липа наша, – он кивнул в сторону распахнутого настежь окна.

– Наша, – согласился с ним Дэн и обернулся к застывшей за их спинами Алекс. Она наблюдала за ними со смесью удивления и интереса. Ну конечно, откуда иностранной паве понять, что они чувствуют, вернувшись в это место. Да и стоит ли ее за это винить? – Мы жили здесь когда-то давно, – пояснил он.

– Ностальгия, я понимаю. – Она вежливо улыбнулась.

– Не ностальгия, – в их разговор вмешался Матвей, – гораздо большее.

– Наверное. – Алекс не стала спорить, бросила быстрый взгляд на наручные часы. – Вы пока обустраивайтесь, осматривайтесь, а через полчаса подходите к главному корпусу, я распоряжусь, чтобы тетя Лида накрыла вам в общей столовой.

– Тетя Лида? Та самая, что ли? – просиял Гальяно.

– Не знаю, та самая или нет, – Алекс развела руками, – но работает она в поместье уже много лет.

– У нее еще сын есть, тезка мой, тоже Василием зовут.

– Значит, она самая.

– И как самочувствие тети Лиды? – поинтересовался Мат-

вей.

– Кое-какие проблемы есть, конечно, но в целом все хорошо.

– Вот и славно, что все хорошо. Приятно слышать, что хоть у кого-то в этом доме все хорошо.

– Хоть у кого-то? – Алекс вопросительно приподняла бровь. – Смею вас заверить, все обитатели поместья довольны и счастливы.

– Особенно Суворов, – не удержался Дэн от сарказма.

– Максим не жил в поместье, – Алекс посмотрела на него строго и, кажется, с укором. – Степан нанял его охранником, он работал сутки через двое. Они с женой жили в городе.

– С женой? – спросил Гальяно, и голос его предательски дрогнул.

– С Еленой. Наверное, ее вы тоже должны помнить, Степан говорил, что когда-то она работала здесь медсестрой.

– А сейчас кем же она работает? – Гальяно задумчиво смотрел в окно.

– Врачом в городской поликлинике и пару раз в неделю приезжает в поместье по просьбе Степана.

– У Степана проблемы со здоровьем? – поинтересовался Матвей. – Вы писали, что он перенес операцию.

– Нога. Старая травма. Раньше она его не беспокоила, но последний год вернулись боли, пришлось делать операцию. Ничего серьезного, но нужна реабилитация, а Лена – реабилитолог, она очень хороший доктор. Массаж, лечебная физ-

культура, физиотерапия – все в ее власти. Степан рассказывал, что она выбрала такую специализацию, чтобы помочь Максиму... – Алекс осеклась. – Чтобы помочь своему мужу восстановиться после травмы. Когда с ним случилось то несчастье, Лена как раз перешла на пятый курс мединститута.

– Так она теперь, выходит, Степку на ноги ставит? – спросил Гальяно. – Приезжает два раза в неделю?

– Раньше было так, а сейчас, после этой трагедии, Степан настоял, чтобы Лена взяла отпуск и поселилась в усадьбе. Так для всех будет лучше: Степан под врачебным присмотром и Лена с близкими людьми. Вы простите, у меня еще дела. – Алекс виновато улыбнулась. – Думаю, Степан вам сам все расскажет, когда вернется из города.

Она была уже у двери, когда ее окликнул Матвей:

– Скажите, Алекс, а в этом доме есть Интернет?

– Конечно. – Казалось, ее удивил этот вопрос. – И в центральном здании, и в вашем флигеле. Если возникнет такая необходимость, я предоставлю вам самый современный компьютер.

– Спасибо, мне не нужен самый современный компьютер. – Матвей застенчиво улыбнулся. – Мне нужна лишь возможность выхода в Интернет. Моя жена сейчас в Канаде, Скайп придется очень кстати.

– Понимаю, – Алекс кивнула. – Это очень важно, чтобы у близких людей была возможность пообщаться.

– А вы сами откуда? – неожиданно для себя спросил Дэн.

– Я выросла в Бостоне. Мои родители эмигрировали в Штаты, когда я была еще ребенком. А почему вы спрашиваете, Дэн?

– У вас нездешний акцент. Он едва заметен, он все же он есть.

– Да, от некоторых вещей сложно избавиться. – Алекс пожала плечами и вышла из комнаты.

Гальяно

Гальяно подошел к настежь распахнутому окну, пристроился с сигаретой на подоконнике, рассеянно обвел взглядом старый парк.

Мэрилин здесь. Мэрилин здесь, и она замужем. Была замужем, а теперь вот вдова... Как все сложно и как странно! Он думал, что забыл, что изжил из своего сердца то давнее, пахнущее росой и луговыми травами чувство. Он думал, что забыл Мэрилин почти в тот самый момент, как шагнул за ворота поместья. Она ему даже не снилась. Если только пару раз. А стоило этой красотке Алекс упомянуть имя Мэрилин, как в душе что-то всколыхнулось, заволновалось, а потом затопило Гальяно с головой. Волна смешанных и не до конца ему самому понятных чувств вымыла из памяти даже образ коварной Любаши, точно и не было ее в его жизни. Любаши не было, а вот Мэрилин...

– Ну, идем?! – в комнату без стука заглянул Матвей, за его спиной маячил Дэн.

– Идем! – Гальяно загасил сигарету, спрыгнул с подоконника. – Про Ваську забыли спросить, – сказал он, выходя за дверь. – Интересно, стал он крутым бизнесменом, как планировал?

– Сейчас спросим у тети Лиды, – сказал Дэн и знакомым жестом провел пятерней по волосам.

Жест этот означал растерянность и настороженность. Гальяно не нужно было быть профессиональным психологом, чтобы это понять. Они все стремились вернуться в прошлое, стремились и боялись одновременно. Как шестнадцатилетние пацаны...

После сумрачной прохлады флигеля на улице было невыносимо ярко и так же невыносимо жарко, Гальяно мысленно порадовался, что ограничился одной лишь белоснежной сорочкой и отказался от пиджака. С легкой завистью он глянул на одетых в простые джинсы и футболки друзей, но тут же себя одернул. Сегодня ему предстояла встреча с Мэрилин. Он просто обязан быть неотразим.

Они как раз подходили к главному зданию, когда стальные ворота пришли в движение, один за другим пропуская на территорию поместья два автомобиля. Из самого первого, громадного черного «Лендровера» вышел незнакомый Гальяно мужик, невысокий, коренастый, с простоватым лицом. Обогнув автомобиль, он распахнул заднюю дверцу, помогая выбраться невысокой рыжеволосой девушке. На ней было маленькое черное платье, слишком маленькое, на взывательный вкус Гальяно, но, что уж там, выгодно подчеркивающее и идеальную фигурку, и впечатляющую длину ног. Вокруг шеи рыжеволосой незнакомки был небрежно обмотан газовый черный шарф. Наверное, она сняла его с головы, когда закончилась официальная церемония. Или не сняла, а нетерпеливо сдернула. Все движения девушки были нетер-

пеливыми и раздраженными, точно ей до смерти надоел салон автомобиля и хочется поскорее на волю, на свежий воздух.

Вслед за рыжеволосой, опираясь на трость, из машины выbralся очень высокий мужчина в ладно сидящем, дорогом костюме. В этом поджаром, не имеющем ни грамма лишнего веса гиганте Гальяно далеко не сразу признал Тучу.

Туча изменился больше всех из их компании. Туча изменился почти до неузнаваемости. Из неуклюжего увальня превратившись в этакое... нет, не красавца, для красавца у него были не слишком правильные, чересчур крупные черты лица, да и шрам на щеке не придавал ему изящества, но, черт побери, все перемены, случившиеся с Тучей, явно пошли ему на пользу. Даже хромота, даже шрам – последствия самой темной ночи, даже граничащая с заторможенностью неспешность движений работали на его новый имидж как нельзя лучше. Туча наклонился к рыжеволосой, что-то сказал ей на ухо, а потом медленно, всем корпусом, развернулся в их сторону.

Гальяно затаил дыхание. Одно дело – встретиться с Дэном, который ему почти как брат, или с Матюхой, над которым время вообще не поработало, и совсем другое – с тем незнакомцем, в которого превратился Туча.

Туча смотрел на них немигающим, чуть близоруким взглядом, на его крупном, асимметричном из-за шрама лице не отражалось никаких чувств, и Гальяно вдруг сдела-

лось нестерпимо обидно, что эта встреча не сложилась, что старый друг изменился не только внешне, но и внутренне. Захотелось схватить нераспакованную еще сумку и свалить отсюда куда глаза глядят. Но через мгновение все изменилось. Нет, Туча не расплылся в улыбке, не помахал им приветственно рукой. Вместо этого он отмахнулся от недовольно брюзжащей рыжеволосой девицы и, тяжело припадая на больную ногу, пошагал им навстречу.

– Вот и ладошки, – выдохнул Гальяно с облегчением, – а то я уже было подумал, зазнался наш олигарх.

– Приехали? – Туча замер в метре от них, теперь на лице его читалась радость пополам с нерешительностью. – Ребята, вы приехали, – добавил он и наконец-то улыбнулся.

– А как же мы могли не приехать, когда ты нам приглашения выслал такие красивенькие, такие официальненькие, в черненьких конвертиках, с сургучными печатями! – буркнул Гальяно, заключая Тучу в дружеские объятия. – По-человечески, что ли, не мог написать: «Друганы, страшно соскучился, жажду вас видеть!»

– Я соскучился, – Туча кивнул, – и жажду вас видеть. Вы не представляете, как я вам рад. – Он говорил тихо, так, чтобы никто из его людей не услышал, не уличил большого босса в душевной слабости, но глаза его светились самой настоящей радостью, такую ни с чем не спутаешь.

– Привет, старик! – Матвей дружески похлопал Тучу по плечу. – А вот и мы.

– Это хорошо, – Туча продолжал улыбаться. – Вы даже не представляете, как это хорошо. Как здорово, что вы все приехали. – Он внимательно посмотрел на Дэна. – Я боялся, что за тринадцать лет...

– За тринадцать лет ничего не изменилось. – Дэн шагнул вперед, протянул Туче руку. – Мы не изменились, – добавил он, и Гальяно вдруг захотелось спросить Тучу, а изменился ли он сам.

– Я рад. – Туча стоял в их плотном кольце, здоровенный, тренированный мужик в дорогом костюме, но они сейчас видели перед собой добродушного, немного трусоватого, но ради друзей готового на все Степку Тучникова. На душе потеплело. Теперь все правильно, теперь, когда они все вместе, все у них получится, все будет хорошо.

Туча что-то еще говорил, отвечал на вопросы Матвея и Дэна, но Гальяно не слушал, Гальяно наблюдал, как из второй машины, представительской «Ауди», выбирается рыжеволосый парень.

Васька! Ваську он узнал сразу, несмотря на то, что за эти тринадцать лет тот из сопливого пацана успел вымахать в высокого, совсем уже взрослого парня. На Ваське тоже был черный костюм, но сидел он на нем как-то неловко, чуть кособоко, и галстук сполз набок. Было очевидно, что к костюмам парень не привык. Он торопливо, едва ли не бегом, обошел машину, распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья.

Она почти не изменилась, его Мэрилин. Гальяно хватило одного лишь взгляда, чтобы это понять. Даже траурное черное платье, даже солнцезащитные очки на пол-лица и складочки в уголках губ, эти атрибуты скорби, не испортили ее красоту. Мэрилин оперлась на Васину руку, благодарно кивнула в ответ. Она не смотрела по сторонам. Гальяно показалось, что она вообще ничего не видит, не хочет видеть. Замерла возле машины, обхватив себя за плечи, словно замерзла. А может, и замерзла. Когда уходят близкие люди, мир делается холоднее...

Гальяно уже хотел сорваться с места, броситься к Мэрилин, когда к ней подошла незнакомая черноволосая девушка. Миниатюрная, все какая-то нескладная, в мешковатой одежде, в немодных очках и с учительской гулькой на голове – типичная серая мышка. Девушка сделала то, что собирался сделать Гальяно, она обняла Мэрилин за плечи, что-то шепнула на ухо. Та кивнула в ответ, подняла наконец голову. Увидела ли она их? Узнала ли? Проклятые черные очки мешали понять. Гальяно видел ее неподвижное лицо, но не видел глаз, а глаза – это главное. Зеркало души и все такое...

– Лена! – Туча обернулся, посмотрел на Мэрилин долгим, тревожным взглядом. – Лена, посмотри, кто к нам приехал!

Она шла медленно, с выпрямленной спиной, даже в горе не теряя ни шарма, ни стати. Серая мышка трусила следом. Глаза за дымчатыми стеклами очков смотрели настороженно и чуть испуганно.

– Добрый день, ребята. – Подойдя к ним, Мэрилин сняла очки. Она даже нашла в себе силы улыбнуться. – Как хорошо, что вы приехали!

Может быть, Гальяно это только показалось, но на нем она задержала взгляд чуть дольше, чем на остальных. Вспомнила? Узнала?

С Мэрилин они здоровались теплее и душевнее, чем с Тучиной секретаршей. Мэрилин – из той, прошлой жизни, она своя, и она тоже стала жертвой самой темной ночи. Только он, дурак такой, возможно, впервые в жизни не нашел нужных слов, растерялся.

– Ребята, позвольте вам представить Лесю. – Туча легонько приобнял серую мышку за щуплые плечики.

– Очень приятно, – пискнула серая мышка Леся и сделала попытку спрятаться за широкую Тучину спину, но тот не позволил.

– Леся работает на меня, – сказал он и, словно смутившись, торопливо добавил: – То есть она приехала в поместье по моему приглашению. Она историк и архивариус в одном лице, помогает мне разобраться с кое-какой документацией.

– Документацией, касающейся усадьбы? – спросил Дэн.

– И усадьбы в том числе. – Туча кивнул. – Всего, что имеет отношение к этому месту. Понимаете?

– Ты тоже хочешь понять? – Дэн смотрел на Тучу как-то по-особенному.

Гальяно помнил эту их игру в гляделки еще с прошлой

жизни. Этих двоих связывало что-то большее, чем дружба, они понимали друг друга лучше, чем остальные. Не то чтобы Гальяно ревновал – им с Матюхой тоже было что вспомнить и обсудить, – просто констатировал факт.

– А ты?

– И я.

– И мы тоже, если вас интересует наше мнение, – усмехнулся Матвей.

– Нас интересует не только ваше мнение, но и твои профессиональные навыки. – Туча кивнул.

– У меня тоже кое-какие навыки имеются. – Гальяно бросил быстрый взгляд на безучастную Мэрилин.

– Я знаю. Алекс собрала на вас полное досье.

– Алекс собрала досье? – Он не удержался от иронии.

Во взгляде Матвея тоже читалось раздражение. Гальяно его понимал: какая-то сопливая девчонка собирала досье на них, асов и профессионалов. Да они сами могли собрать досье на кого угодно!

– Не нужно было собирать досье. Тебе достаточно было просто позвонить нам и спросить, мы бы сами тебе все рассказали. – В голосе Дэна не слышалось раздражения, только лишь констатация факта, но Туча вдруг смутился, лицо его пошло красными пятнами, как в далекой юности, и Гальяно вдруг отчетливо понял – всемогущий и таинственный олигарх Степан Тучников просто стеснялся позвонить им, старым друзьям.

– Ну ты, братан, даешь! – он похлопал Тучу по плечу. – Я ж даже страничку в Одноклассниках завел, чтобы ты меня нашел. В Одноклассниках, на Фейсбуке и в других чертовых соцсетях.

– Я не знаю, как пользоваться этими чертовыми соцсетями. – В голосе Тучи слышалось облегчение. – Но я очень рад, что вы все здесь.

Он хотел еще что-то сказать, но ему помешали.

– Степа! – У рыжеволосой был на редкость противный и капризный голос. Он сводил на нет все остальные ее прелести. – Степа, ты не хочешь представить меня своим друзьям? – Она раздраженно притопнула ножкой, не забыв при этом бросить неприязненный взгляд на мышку Лесю и улыбнуться всем присутствующим мужикам сразу. Улыбка, кстати, у нее была ничего – очень милая.

– Конечно. – Туча вдруг засуетился, чуть отодвинулся от мышки Леси, обнял рыжеволосую за талию. – Ребята, познакомьтесь, это Ангелина, моя... – он запнулся.

– Невеста, – безапелляционным тоном закончила за него Ангелина. – И, пожалуйста, зовите меня просто Линой. Или Ангелом. – Наверное, Гальяно показалось, но она ему подмигнула. Вот ведь оторва! Какой из нее ангел! Угораздило же бедного Тучу.

На лице Матвея читались точно такие же чувства, но он быстро взял себя в руки. Туча ничего не заметил. Дэн улыбался Ангелу-Лине вежливо-равнодушной улыбкой. При-

мерно так же он приветствовал до этого Алекс.

– Степа, машину в гараж ставить или поедешь еще куда? – Василий подошел к ним незаметно, хитро зыркнул из-под рыжей кудрявой челки, улыбнулся во все тридцать два зуба. – Привет, мужики!

– Ну, здорово, коммерсант ты наш! – Гальяно заключил парня в отеческие объятия. – Вымахал-то как!

– Мамка хорошо кормит. Попробуй тут не вымахать.

– Ты остался здесь? Не уехал?

– Учусь в области на последнем курсе финансово-экономического, а на лето к родителям на побывку приехал. Степану вот помогаю по мелочи. – Василий посмотрел на Тучу почти с обожанием.

– Не по мелочи, не скромничай, Василий, – усмехнулся тот. – Башковитый парень, после учебы думаю его к себе на работу взять. Мне нужны вот такие, башковитые.

– Башковитые всем нужны. – Гальяно кивнул, посмотрел украдкой на Мэрилин. Она снова надела очки, и теперь было не понять, куда она смотрит и о чем думает. Но здесь, на жаре, в плотном черном платье ей явно было тяжело. Пора бы Туче приглашать всю честную компанию в дом.

Точно подслушав его мысли, Туча виновато улыбнулся, сказал, обращаясь исключительно к дамам:

– Девушки, вы идите в дом. Жарко здесь. А мы с ребятами следом...

Мэрилин направилась к дому, словно ждала команды,

мышка Леся послушно потрусилась следом, и только Ангел-Ангелина строптиво фыркнула, прежде чем неспешной походкой продефилировала к крыльцу. Да, попал Туча. Точно попал...

Они еще немного постояли на самом солнцепеке, разговаривая обо всем сразу, а потом Туча сказал извиняющимся тоном:

– Ребята, вы идите пока в столовую перекусите, а у меня еще есть неотложные дела. Вечером встретимся и все обсудим. Хорошо? – Он смотрел на них так, словно боялся, что они не останутся до вечера, и Гальяно снова почувствовал неловкость и за себя, и за товарища. Все-таки тринадцать лет давали о себе знать.

– Договорились, – Дэн кивнул. – Встретимся вечером и все обсудим. Нам ведь есть что обсудить. Да, Туча?

Тот ничего не ответил, но по глазам стало ясно – разговор их ждет не из легких.

Туча

Как же он ждал этой встречи! Ждал и боялся одновременно. Он всегда стоял особняком, даже в их тесном мире на четверых он далеко не всегда чувствовал себя комфортно, а после того, что сделал отец, после того, как своей единоличной волей обрезал все связывавшие их нити, Туче казалось, что его забыли. Или если не забыли, то поминают недобрым словом, потому что он оказался слабаком, он единственный из них не дошел самой темной ночью до конца, не остановил Лешака, не спас Ксанку, не утешал Дэна. В то время, когда они втроем переживали свое горе и свое взросление, он валялся на больничной койке сначала в райцентре, а потом в дороге московской клинике. Поломанная нога болела невыносимо, и загноившаяся рана на щеке ныла и дергалась, но Туча был рад этой боли, принимал ее как наказание за слабость и трусость, за свое неумение идти до самого конца. Может быть, поэтому ни колено, ни рану так и не удалось залечить до конца. На щеке остался некрасивый шрам, а колено, несмотря на ряд проведенных операций, продолжало беспокоить, отзывалось ноющей болью на малейшие нагрузки и смену погоды.

А еще Туча стремительно худел. Он не отказывался от еды сознательно. Все происходило само собой. Процесс, начавшийся еще в лагере, продолжился уже дома, на радость от-

цу и к мрачному удовлетворению самого Тучи. Как-то незаметно для себя из зала для лечебно-восстановительной физкультуры он переместился в тренажерный зал, а ровно через год набил морду Юрке Измайлову. Набил за дело, хотя теперь уже не мог вспомнить, за какое. После самой темной ночи многие вещи, которые раньше пугали и ставили в тупик, стали казаться Туче мелкими и незначительными. Юрка тоже стал мелким и незначительным. Обыкновенный пакостник, о которого даже руки марасть не хочется.

Из-за проблем со здоровьем и постоянных вояжей по больницам школу Туча окончил на год позже остальных. Отец, не оставлявший надежду увидеть сына в роли политика, уже застолбил ему место в МГИМО, но тот решил иначе. Он поступил в Кембриджский университет на факультет истории искусств и науки. Сейчас уже неважно, чего это ему стоило и какую битву пришлось выстоять в борьбе за право решать самому, но неожиданно для Степана, да и, наверное, для себя самого отец вдруг сдался.

– Хочешь быть самостоятельным, будь! – Он смотрел на Тучу с уже давно привычным снисходительным прищуром. – Только коль уж так, то до самого конца. Денег я тебе дам только на первое время, а дальше, извини! Свобода так просто не дается.

Степка знал, что свобода так просто не дается, поэтому не испугался. Выжил, адаптировался, приспособился. Начал подрабатывать сначала в маленькой реставрационной ма-

стерской, потом в антикварном магазине, а потом, уже к самому концу обучения, открыл свой собственный магазинчик «особенных вещей».

Его дар находить и видеть особенные вещи с каждым прожитым годом становился все сильнее. Так под слоем никому не интересной бездарной мазни он безо всяких подручных средств смог рассмотреть шедевр Ван Дейка, а в старой, покрытой паутиной трещин, пылящейся на свалке развалюхе увидеть двухсотлетний шкаф из мореного дуба. Вещи открывали ему свою природу, разговаривали с ним, с готовностью отдавались в его с каждым годом становящиеся все более ловкими и умелыми руки. Благодаря этому дару на родину Туча вернулся если не богатым, то весьма состоятельным и независимым человеком. Теперь, когда Степан точно знал, чего хочет, он мог жить в свое удовольствие, не оглядываясь на отца. И он жил так почти пять лет, приумножая своими собственными руками созданное богатство, радуясь своей тихой и незаметной жизни, почти не общаясь с отцом.

Так было до тех пор, пока отец не заболел. Он приехал к Туче сам, чего никогда раньше не делал. Все еще моложавый и статный, но в каждой черточке его лица уже притаился страх.

– Я болен, – сказал отец, усаживаясь в привезенное из Лондона антикварное кресло и закуривая сигару. Раньше он никогда не курил, берег здоровье.

Туча не хотел ничего слышать про болезнь отца, но при-

готовился слушать.

– Ты займешь мое место.

– Нет.

– Ты займешь мое место, хочется тебе того или нет! – Отец хмурился.

– У меня свой бизнес.

– Уже нет, я оформил завещание. Теперь у тебя не только твой, но и наш бизнес.

– Чем ты болен? – Ему до последнего хотелось верить, что все это очередной родительский шантаж, что нет никакой болезни, а есть неизживное желание отца вернуть паршивую овцу обратно в стадо.

– Болезнь Альцгеймера. Знаешь, что это такое?

Он знал. Кто же не знает? Но увязать этот страшный диагноз с отцом никак не получалось.

– Я уже прошел все необходимые обследования. Никакой ошибки. Через несколько лет я превращусь в пускающую слюни развалину. Мы должны спешить, Степан. Я многому обязан тебя научить.

Он хотел сказать «нет», но произнес «да», наступил на горло собственной песне, начал учиться тому, чему желал научить его отец.

Это тоже оказалось легко. Особое видение вещей помогало ему принимать верные решения, делать правильные вложения, улучшать то, что можно улучшить, приумножать то, что можно приумножить. Отец ничего не говорил, но был

доволен его успехами. Туча видел это в становящиеся все более редкими минуты просветления. К тому моменту, когда светлых минут не осталось вовсе, он уже был готов ко всему, что касалось бизнеса. Единственное, к чему он так и не смог подготовиться, это к общению с людьми. Люди его не интересовали. Или не так: люди интересовали его в гораздо меньшей степени, чем особенные вещи. За годы взросления и становления Туча так и не нажил ни одного друга, не обзавелся подружкой. С девушками было особенно сложно. Он их боялся: до холодного пота, до дрожи в коленках. Даже тех, которые сами стремились к общению. Особенно тех, кто стремился к общению.

Мнения о себе и своей внешности Туча был самого критичного, толстый трусливый мальчик никуда не делся, спрятался за броню тренированного тела, притаился. Мальчик этот был не только трусливый, но и саркастичный. Такие, как он, девушкам неинтересны. Девушкам интересны только его деньги. А нужны ли ему такие девушки? Нет!

Наверное, из-за этой своей нелюдимости и неконтактности Туча и прослыл чудаком и мизантропом. В делах бизнеса он был матерым волком. Или нет, не так. В делах бизнеса он был матерым вепрем, хитрым, изворотливым, нападающим без предупреждения, идущим напролом. А с женщинами все оказалось в разы сложнее...

Так было до тех пор, пока в его жизни не появилась Ангелина. С ней все стало по-другому. Туча и поверить не мог,

что так бывает. А когда поверил, сознательно и безжалостно придушил в себе скептика, принялся холить и лелеять робкий росток надежды на то, что и у него все может сложиться как у нормальных людей.

Тогда же, за несколько месяцев до встречи с Алекс и за полгода до знакомства с Линой, Туча взял в аренду старинную усадьбу в русской глубинке, ту самую усадьбу, воспоминания о которой не оставляли его вот уже больше десяти лет. Зачем? Он не мог ответить на этот вопрос даже самому себе. Возможно, потому, что именно там он начал меняться, словно змея сбросил старую шкуру, чтобы переродиться в совершенно другое существо. Может, из-за того, что именно там он узнал, что такое настоящая дружба, а может, из-за дневника графа Шаповалова. Того самого дневника, что пропал так некстати, загадал загадки, но не оставил ответов.

Ответы знал только он, Туча. Только он один из их четверки прочел дневник от первого до последнего слова, сидя у распахнутого настежь окна, в слабом лунном свете вглядываясь в торопливые строчки, пытаясь все запомнить, ничего не забыть.

То, что было в том дневнике, показалось ему чудовищным. Братская любовь, братская ненависть, предательство и вероломство. Все это, все эти человеческие страдания и страсти были связаны с одним-единственным местом, с Чудовой гарью. Еще тогда, задолго до смерти красного комиссара со странным и нелепым именем Чудо, это место уже бы-

ло гиблым, забирало в плен души, отпуская на волю пустые, бездушные оболочки. Это место ненавидело все живое, оно было квинтэссенцией черного, незамутненного зла. А ребята, все они: и Матвей, и Гальяно, и Дэн, особенно Дэн, – они бы пошли туда непременно, чтобы сгинуть или превратиться в бездушных монстров. Таких, каким стал старший из двух братьев – Игнат Шаповалов.

Решение спрятать дневник родилось на рассвете. У Тучи уже имелся тайник – глубокая щель в основании забора, достаточно вместительная, чтобы в нее влезли и дневник, и пачка денег, последний мамин подарок.

Ребята расстроились. Все, но Дэн больше остальных. Дэн отчего-то особенно остро реагировал на все, что было связано с гарью. Или не с гарью, а с Ксанкой? Сейчас, по прошествии лет, Туча точно знал – гарь и Ксанка связаны, а тогда он мог только лишь догадываться, строить предположения, не имеющие под собой никакой базы.

Хотя отчего же?! Кое-что уже тогда Туча знал наверняка. Ксанка – одна из рода Шаповаловых. Доказательство тому – родимое пятно в виде трилистника. Ведьмин знак... А еще карандашный набросок на полях дневника, портрет Зои Шаповаловой. Ксанка была почти точной ее копией, и то, что девушку так тянуло к гари, не случайно. Игната Шаповалова тоже влекло это место, непреодолимо влекло. Так же как влекло его к Зое, невесте его родного брата Андрея.

Отношения между братьями, сложные, замешенные на

любви и ненависти, заволаживали и пугали одновременно. Туча часто думал, а способен ли он сам на ту жертвенность и человеколюбие, которые проявил Андрей. Смог бы он простить женщину, изменившую ему с родным братом, а потом растить чужого ребенка, как родного, зная, чей это сын, зная, какая черная кровь течет в его жилах. И ведь не просто растить, а любить всем сердцем, до последнего надеясь, что мужняя и отцовская любовь огнем выжгут уже пустившее корни зло. Туча думал об этом, но так и не мог определить границы своего человеколюбия. Ему всегда было проще апеллировать к логике, а не к чувствам. Его друзьями и помощниками стали не люди, а вещи. С вещами было проще и понятнее, даже с необычными, особенными вещами.

Ксанкин ключ в виде трилистника как раз являлся такой необычной вещью. После прочтения дневника Туча знал, кому этот талисман принадлежал раньше. Зоя Шаповалова, омороченная Игнатом, несчастная, неспособная расстаться с проклятым подарком. Ксанке тоже было тяжело расстаться с ключом. Туча знал это очень хорошо, на собственной шкуре испытал его дьявольскую силу.

Тогда, много лет назад, он сделал все, что было в его силах, чтобы защитить друзей. Он спрятал дневник и надеялся, что на этом все закончится.

Не закончилось. Зря старался...

Самая темная ночь все равно наступила, и Чудова гарь забрала еще одну жертву. А он, Туча, так и не смог никому

помочь, не умел отговорить, переубедить, не сумел остановить Лешака и уберечь Ксанку. Он даже не смог попроситься с друзьями. Сначала не позволил отец, а потом... Какое-то время Туча пытался убедить себя, что все это неважно, что не было никакой дружбы, а только обстоятельства, объединившие их, сплотившие вокруг Ксанки. Но шли годы, а горькое, пахнущее гарью чувство не отпускало. Хуже того, оно пускало корни и все глубже прорастало в беспокойной Тучиной душе, мешая отдаваться любимому делу, не позволяя жить.

А дневник так и остался в тайнике, и не было дня, чтобы Туча не вспоминал о нем, не думал о том, что, возможно, дневник уже уничтожен. Ему хотелось прочесть записи Андрея Шаповалова еще раз, не торопливо, при свете луны, а медленно и вдумчиво, вглядываясь в каждое слово, ища скрытый смысл. Возможно, он уловил суть, но упустил детали. Возможно, детали – это и есть самое главное. Возможно, именно в них ответы на мучающие его вопросы.

Дом на небольшом острове посреди Средиземного моря Туча купил почти сразу, как только вступил в права наследования. Маленькое убежище, позволяющее им с отцом скрыться от назойливых журналистов, неприступная крепость, отдельная вселенная. Странное дело, но именно там, на острове, он все чаще думал о поместье графа Шаповалова. Он даже навел справки и узнал, что дом и что, пожалуй, еще важнее, забор до сих пор находятся в хорошем состоя-

нии. В относительно хорошем, потому что без хозяина даже особенные вещи могут заболеть и испортиться, а что уж говорить об обычном доме!

Усадьбу в Макеевке Туча взял в аренду два года назад, но вернуться в Россию смог только лишь после смерти отца. Весь перелет до Москвы он думал, как оно будет, что он почувствует, когда перешагнет порог старого дома. Внутри ворочалось какое-то странное, щекотное чувство, которое, наверное, было всего лишь нетерпением.

Дом умирал. Туча понял это, стоило только открыть вырезанную в воротах заржавевшую скрипучую калитку. Покосившаяся сторожка, поросший бурьяном двор, покрытые сетью трещин, тронутые плесенью стены, заросли чертополоха там, где когда-то был газон из одуванчиков.

Туча не пошел сразу в дом, он двинулся вдоль забора, приглядываясь, вспоминая. Тайник Степан нашел без труда, не понадобились даже воспоминания, его вело то самое щекотное чувство. Дневник оказался там, где Туча его и оставил, с ним, завернутым в полиэтиленовый пакет, ничего не случилось. Вот он и вернулся в свое прошлое...

Погреб, в котором раньше находился карцер, внешне никак не изменился – все тот же поросший лебедой холм с крошечным вентиляционным окошком. Туча не удержался, не обращая внимания на белоснежные брюки, встал на колени, заглянул внутрь. Внутри было темно и сыро, в носшибанул почти забытый запах гнили. Туча вздохнул, поднялся с ко-

леней. Нога отозвалась острой болью, напоминая о том, что ползать на коленях ему категорически противопоказано.

Прежде чем зайти в дом, он заглянул в флигель, посидел на своей кровати, прислушиваясь к жалобному стону пружин, посмотрел в затянутое густой паутиной окно. На этом окне когда-то любил сидеть Гальяно. Через него они с Дэном выбирались по ночам в парк для тренировок. На мгновение ему показалось, что все это происходило не в прошлой жизни, а вчера. Сердце защемило от чувства утраты чего-то важного, жизненно необходимого.

Обеденный зал был пуст, гулкое эхо шагов заволокло металось под высоким потолком. Странно, раньше эха не было. Были голоса, звон посуды, бряцанье ложек. Была жизнь...

– Что вы здесь делаете?!

Задумавшись, Туча не сразу заметил, что в доме он больше не один. На пороге, придерживаясь рукой о дверной косяк, стоял немолодой уже мужчина. Лыняной, чуть помятый щегольской костюм, шляпа, очки в круглой оправе, как у Леннона или как у Берии. Сравнение с Берией подходило этому человеку больше. Антон Венедиктович Шаповалов, последний представитель древнего рода, сверлил Тучу подозрительным взглядом.

– Добрый день! – Он шагнул навстречу бывшему начальнику и идейному вдохновителю лагеря для трудных подростков. – Я здесь осматриваюсь.

– С какой такой стати, позвольте полюбопытствовать? На

каких основаниях?

– На правах нового владельца. – Туча выдавил из себя вежливую улыбку. – А вы не узнаете меня, Антон Венедиктович?

Шаповалов осматривал его долго, с ног до головы ощупывал недоверчивым взглядом.

– Мы знакомы? – Воинственности в его голосе поубавилось.

– Я Степан Тучников, вы должны меня помнить.

– Степан? Степа! – Шаповалов шагнул к Туче так порывисто, что тот на всякий случай попятился. – А я смотрю, машина незнакомая у ворот и калитка нараспашку. Тут же уже много лет никого, с тех самых пор... – Он запнулся. – Ну, ты помнишь, наверное.

– Я помню. – Туча кивнул.

– Заглянул проверить, все ли в порядке. Душа у меня болит за поместье. Вот что они сделали, эти бюрократы?! Какой-то нелепый несчастный случай – и все! Все закрыли, уничтожили. Сколько я жалоб написал, сколько петиций. Ты не представляешь, Степан. – Шаповалов говорил пылко, торопливо. – Каждый год пытался добиться правды. Дом ведь без хозяина пропадает, всему присмотр нужен. Мне все время отказывали, а полгода назад сказали, что есть уже у поместья хозяин. Значит, это ты?

– Значит, я.

– Зачем? Зачем тебе эта развалина?! Я же читал, ты богат,

по заграницам все больше...

– Ностальгия.

– И у тебя ностальгия? – Шаповалов невесело усмехнулся. – Значит, правильно я вас тогда воспитывал, если ты до сих пор помнишь, если приехал и купил поместье.

Воспитывал... Казарменная муштра и заплесневелый карцер – вот единственное, что Туча помнил из «воспитания», но спорить не стал. Зачем?

– А что же не появлялся так долго? – Его молчание Шаповалов принял за согласие. – Целый год потерян. Тут капитальный ремонт нужен, реставрация.

– Будет, – сказал Туча неожиданно для самого себя. – И ремонт будет, и реставрация. Я позабочусь.

– Хорошо, – Шаповалов кивнул. – Хорошо, что это ты хозяин. Ты будешь бережно, с уважением. Я тебя знаю. Это ведь не просто дом, для меня это родовое гнездо.

Вот и началась песня про родовое гнездо. Скучно, а с другой стороны, Шаповалов и раньше относился к поместью с особенной трепетностью. А у него бизнес и хронический цейтнот.

– Антон Венедиктович, у меня к вам деловое предложение.

– Слушаю! – Шаповалов подобрался, в глазах его зажегся огонек интереса.

– Мне нужен человек, который все здесь знает, который любит поместье. Я не смогу бывать здесь слишком часто,

а ремонтно-восстановительные работы кто-то должен контролировать. Вы не согласитесь стать смотрителем усадьбы? Или управляющим, как вам будет угодно.

Он согласился сразу, не раздумывая ни секунды. Туче показалось, что даже финансовая сторона вопроса его практически не волновала. Наверно, не предложи он Шаповалову ни копейки за его услуги, тот все равно бы согласился.

Шаповалов оказался хорошим управляющим, въедливым, рачительным и очень обязательным. Сроки реставрации укладывались в график, каждую неделю на стол к Туче ложился подробнейший финансовый отчет. Ни разу ему не пришлось пожалеть о том своем спонтанном решении. Шаповалов был отвратительным человеком, но великолепным хозяйственником. Без его помощи ремонт в поместье затянулся бы на годы, потому что в жизни Тучи появилась Ангелина и на какое-то время ностальгия ушла на второй план. Даже дневник Андрея Шаповалова он прочел не сразу, а только лишь спустя месяцы, когда душевные волнения улеглись, а в личной жизни наступило хотя бы подобие первоначального спокойствия.

Первые признаки неминуемо надвигающейся бури появились год назад. Тучу начал преследовать запах, тот самый ненавистный запах гари. Он будил его посреди душной средиземноморской ночи, чудился в аромате Ангелининых духов, невидимыми когтями разрывал грудную клетку, удавкой захлестывался на шее и тянул, тянул обратно в Макеевку.

Туча сопротивлялся сколько мог, а когда наконец понял, что эта битва бессмысленна, попросил Алекс собрать сведения о Гальяно, Матвее и Дэне. Возвратиться в поместье они должны все вместе. Почему-то Туча был в этом абсолютно уверен. Алекс обещала помочь, а если за дело бралась Алекс, то дело это можно сразу считать сделанным. Вот такая чудесная была у нее особенность.

Конечно, правильнее и разумнее стало бы связаться с ребятами самому, но Туча не мог. Вот просто не мог снять трубку и сказать: «Привет, друг! Давно не виделись. Давай встретимся!» Прятался за вечную свою загруженность, прикрывался предстоящей операцией, откладывал, откладывал... Наверное, просто боялся, что старые друзья его не вспомнят. А если и вспомнят, то сделают вид, что не узнали, или и вовсе откажутся от встречи, потому что он предатель, он бросил их в самую темную ночь, не помог Дэну, не уберег Ксанку. Зачем он им такой?

Алекс взялась за дело со свойственной ей решительностью. Уже через пару недель на столе перед Тучей лежало досье на каждого из их четверки. Он перелистывал страницы, вчитывался в сухие, лишённые эмоций строчки, всматривался в знакомые, но все равно изменившиеся почти до неузнаваемости лица. У каждого из них имелась своя собственная налаженная жизнь, двое из них, Дэн и Матвей, были женаты, Гальяно тоже уже целый год встречался с девушкой, а он собирался все испортить, затянуть обратно в их

страшное, одно на четверых, прошлое. Они не согласятся...

Они согласились, и Туча вдруг почувствовал одновременно и безмерное облегчение, и необъяснимую тревогу. Теперь он знал наверняка – самая темная ночь в их жизни неминуемо повторится...

Матвей

Обедали в том самом зале, который служил в лагере столовой, только вместо маленьких столиков здесь теперь стоял один огромный, невероятной длины стол, сервированный как для встречи английской королевы. Да и интерьер изменился в лучшую сторону или, как подозревал Матвей, вернулся к своему первоначальному состоянию. Словно в противовес этой пугающей роскоши еда была самой обыкновенной, без изысков, но все равно невероятно вкусной.

Тетя Лида, мама Василия, встретила их как родных: обняла, расцеловала, а потом долго всматривалась в их смущенные таким теплым приемом лица. Сама она почти не изменилась, разве что в рыжих волосах появились седые пряди.

– Я же вас тогда и не поблагодарила, мальчики, – сказала тетя Лида, когда они расправились с обедом и приступили к десерту. – Степана поблагодарила, а вас...

– А нас не за что, тетя Лид! – Гальяно чмокнул женщину в щеку. Она смутилась, замахала руками. – Вы нам лучше расскажите, как оно тут.

– А как... – Женщина опустила на свободный стул. – Хорошо было. До недавнего времени. Степан, видели, как все отстроил! Краше прежнего стало. Работу местным дал, меня вот с мужем обратно в поместье взял, повариху нашу, садовника, девочек-горничных из деревни, Леночку, Макси-

ма... – Она замолчала, уголком передника промокнула выступившие на глазах слезы.

– Как он погиб? Что говорят? – не удержался от вопроса Матвей. В конце концов, они все здесь не просто так, нужно начинать действовать, собирать информацию.

Прежде чем ответить, тетя Лида посмотрела на дверь обеденного зала, точно боялась, что их разговор могут подслушать.

– Бедная Лена, – сказала она, разглаживая на коленях передник. – Больше десяти лет мучилась, а теперь вот такое...

– Почему она десять лет мучилась? – спросил Гальяно, методично скручивая в трубочку льняную салфетку.

– Из-за Максима и мучилась, из-за болезни его.

– А он болел? – Гальяно оторвался от салфетки. – Туча, то есть Степан, его охранником взял, а это ведь работа не для больных.

– Ну как болел... – Тетя Лида казалась растерянной. – У него же травма какая была! В коме несколько недель пролежал, а как вышел, точно подменили.

– Амнезия? – спросил Матвей.

– Амнезия – это так, мелочи. Может, это даже и хорошо, что Максим все забыл. Что там хорошего вспоминать? Вы бы видели Лену! Как она переживала! Жила в больнице, почернела вся от волнений. А как Максим с того света, считай, вернулся, расцвела. Только ненадолго. – Тетя Лида вздохнула.

– Почему? – Лицо Гальяно сделалось напряженно-сосредоточенным.

– Потому что Максим очень сильно изменился. Вы его помните, хороший ведь был парень, правильный, добрый, а стал точно бесноватый. Лена говорит, что это все последствие травмы мозга. Оно и понятно все про травму, только тяжело с ним стало. Лена его и по врачам возила, и сама лечила. Она же доктор у нас. А толку – чуть, с каждым годом все хуже и хуже. Максим начал к бутылке прикладываться. Сначала не часто, по праздникам, а потом ему уже и повод не нужен стал, в запой уходил на недели. На работе его сначала жалели, а потом жалеть перестали и уволили. Кому ж нужен такой работник?! Он еще больше запил, теперь уже вроде как с горя. А потом начал Лену бить...

Краем глаза Матвей заметил, как побледнел Гальяно, с какой силой сжал край столешницы.

– Она, ясное дело, никому не жаловалась, не рассказывала, как ей живется, да только шила в мешке не утаишь и не всякий синяк запудришь.

– У них есть дети? – спросил Гальяно, и Матвей не узнал его голос.

– Не дал бог. Или наоборот – миловал. – Тетя Лида покачала головой. – Грех такое говорить, но даже я советовала Лене развестись. Что ж это за жизнь такая собачья?! А она жалела его, все прощала, надеялась, что он изменится. Он, правда, и изменился. Год назад примерно. Когда Степан

поместье отстроил. Он тогда им обоим работу предложил: и Лене, и Максиму. Лене – своим личным врачом, а Максиму – охранником. Только сначала к какому-то московскому профессору отвез, чтобы тот его от пьянства закодировал. Сказал: «Я в вас, Максим Дмитриевич, должен быть уверен. Мне алкаши в доме не нужны».

– Получилось? – спросил Матвей.

– Получилось. – Тетя Лида кивнула. – После профессора этого Максима как семь бабок отходили: бросил пить совсем, ни капли в рот не брал и работал старательно. Степан уже подумывал его на другую, более ответственную должность перевести. Он ведь образованный был, толковый.

– И что помешало? – Гальяно смотрел в окно, лицо его ровным счетом ничего не выражало.

– Сорвался Максим. Где-то за неделю до своей смерти.

– Снова запил?

– Не знаю, не буду врать. Знаю только, что опять стал каким-то шалым, с поста уходил, в лесу часами пропадал.

– Где в лесу? – впервые за весь разговор подал голос Дэн.

– А кто ж его знает! – Тетя Лида развела руками. – Может, и на гари. – Она понизила голос до шепота. – Как-то пришел весь перепачканный, как в пыли.

– В пепле, – с мрачной уверенностью сказал Дэн.

Тетя Лида ничего не ответила, только кивнула в ответ.

– Как он погиб? – нарушил Матвей затянувшуюся паузу.

– Убили. – Тетя Лида со свистом втянула в себя воздух,

нашарила в кармане передника пузырек с лекарством, проглотила сразу две таблетки. – Ушел в лес и не вернулся. Лена сразу бросилась к Степану. Тот отрядил людей на поиски. Тело нашли уже утром, в нескольких метрах от Чудовой гари, с проломленной головой... – Тетя Лида всхлипнула. – Следователь сказал, что его ударили чем-то тяжелым, и не один раз, как тогда, а били долго, чтобы уж наверняка...

– Убийцу не нашли? – Все-таки неспроста Туча собрал их всех в поместье. Все повторяется...

– Нет. Ищут, стараются, но пока ничего. Следователь, тот самый, что вел дело о смерти Ксанки... – На этих словах тетя Лида расплакалась, уже не таясь. – До сих пор себе простить не могу, что девочку не уберегла. С камнем на сердце живу. С ним просыпаюсь, с ним спать ложусь.

– А ее родители? – В глазах Дэна зажегся лихорадочный огонь.

– Я не знаю. – Тетя Лида покачала головой. – Они уехали сразу после смерти Ксанки, а куда, мне не сказали. Я их понимаю, единственный ребенок, такое горе... А я не виновата, оставила девочку без присмотра...

– Тетя Лида, вы знаете, где ее могила? – Дэн говорил очень тихо, едва слышно.

– Нет. – Женщина покачала головой, вытерла слезы. – Ничего не знаю. Это наказание мне. Нам всем наказание. – Она снова посмотрела на дверь, а потом шепотом сказала: – Зря вы приехали, миленькие. Плохое это место, и время пло-

хое. – Она резко встала, словно опасалась дальнейших расспросов, улыбнулась им всем виноватой улыбкой и вышла из зала.

Какое-то время они сидели молча, обдумывали услышанное, делали выводы, принимали решения.

– Я остаюсь, – первым заговорил Гальяно. – Надо наконец разобраться во всей этой чертовщине.

– Я тоже. – Дэн вопросительно посмотрел на Матвея.

– Ну, а мне сам бог велел. – Он пожал плечами. – Я же вроде как детектив.

– И еще у тебя есть пушка, – усмехнулся Гальяно.

– Что-то мне подсказывает, что от пушки здесь будет мало толку. – Дэн встал из-за стола. – Пойдем прогуляемся?

Несмотря на полуденный зной, в парке было прохладно. Они уселись прямо на траву, на облюбованной еще в стародавние времена полянке, закурили.

– Ну, когда пойдем? – спросил Гальяно, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Куда? – Матвей щурился на свет, пробивающийся сквозь ветви старой липы.

– По местам боевой славы. – Гальяно не сводил с Дэна внимательного взгляда. – Ты с нами, братан?

– С вами, – Дэн кивнул.

– К затону ходим?

– Сходим.

– А потом к гари?

– А потом к гари.

– Так идем?

– Идем!

Они, не сговариваясь, встали, так же, не сговариваясь, направились к потайной калитке и, лишь недоуменно разглядывая запертый замок, разом вспомнили, что все изменилось. Они больше не шестнадцатилетние подростки, им теперь не нужно выбираться за территорию лагеря тайком.

– Во, даем! – Гальяно нервно хихикнул. – Вот они, последствия шаповаловской муштры! До сих пор помним.

Через главные ворота они прошли совершенно беспрепятственно. Да и кто бы стал препятствовать им, взрослым, тридцатилетним мужикам?!

Наверное, старой лесной тропинкой сейчас пользовались не часто, потому что в пожухлой от зноя траве она была едва различима. Шли молча, прислушиваясь к окружающей их настороженной тишине, вглядываясь в непролазные заросли кустарника, а на затоне желание поболтать и вовсе пропало.

Дэн долго стоял на берегу, вглядываясь в темную, почти черную воду. Матвей и Гальяно ему не мешали, терпеливо ждали.

– Здесь почти нет течения, – сказал Дэн, ни к кому конкретно не обращаясь. – Почему тогда Ксанку нашли не здесь? Как ее могло унести течением, которого нет?

– Может, оно придонное? Течение, я имею в виду. – Гальяно швырнул в затон камень, черная вода пошла рябью, а

потом снова превратилась в неподвижное зеркало.

– Проверим? – предложил Матвей, уже готовый стянуть с себя тенниску.

– В другой раз. – Дэн покачал головой, точно прогоняя наваждение. – Вечер скоро, давайте заглянем на гарь до темноты.

– Правильное решение!

Матвей был согласен с ним всем сердцем. Соваться на Чудову гарь ночью ему совсем не хотелось. Гиблое место... С недавних пор, после визита в глухую белорусскую деревеньку, со всех сторон окруженную болотом, он знал толк в гиблых местах, научился относиться к ним с опаской и уважением. Вдруг нестерпимо сильно захотелось позвонить Алёне, просто услышать ее голос, убедиться, что с ней все хорошо. Бывают такие мгновения, когда ценность и хрупкость жизни осознается особенно остро. Вот как сейчас.

К гари шли почти наугад, полагаясь только на особенное чутье Гальяно, в душе надеясь, что чутье это не подведет. Над лесом медленно, но неуклонно сгущались тучи, в воздухе запахло надвигающейся грозой.

– У меня просто непрекращающееся дежавю, – буркнул Гальяно, прихлопывая на шее комара.

– Все повторяется, – согласился с ним Матвей.

– Нет, все начинается сначала. – Дэн прислонился плечом к хлипкой березке, осмотрелся.

Лес мельчал, вековые сосны уступали место мрачным

елям и искореженным невидимой, но неминуемой силой подлеску.

– Уже скоро. – Гальяно приняохался. – Чувствуете? Запахло гарью.

Он был прав, к едва уловимому запаху надвигающейся грозы примешивался еще один, далеко не такой безобидный запах, а мгла вокруг становилась все плотнее, все осязаемее.

– Ну, вот мы и пришли! – Гальяно замер на самой границе между зеленым травяным ковром и мертвой выгоревшей землей, встревоженно взглянул на Дэна: – Ты, братан, только туда не суйся, а то мало ли что.

Дэн ничего не ответил, он, не отрываясь, смотрел на черное дерево в самом центре гари.

– Что-то блуждающего огня нигде не видно. – Гальяно осторожно перешагнул границу, замер, прислушиваясь к своим ощущениям, а потом так же осторожно вернулся обратно. – Ничего! На меня эта штука, похоже, не действует. – Он стряхнул пепел с брюк, присел на корточки, высматривая что-то на земле.

– Что там? – спросил Дэн.

– Да ничего, удивляюсь, что граница четкая. Вот как такое может быть?

Ответить ему никто не успел, сзади, со стороны подлеска, слышался шорох. Матвей потянулся к кобуре, изо всех сил пытаясь придушить поднимающуюся в душе панику. Его рациональный, не склонный к фантазиям мозг был почти

уверен, что вот сейчас из кустов к ним шагнет Лешак. Обгоревший, страшный, уже тринадцать лет как мертвый...

– Ребята, это я! – Подлесок вздрогнул, выпуская на поляну Тучу. Запыхавшийся, бледный, он смотрел на них с легким укором и, кажется, с досадой.

– Уф! – выдохнул Гальяно. – Предупреждать же нужно! А то мы тут все нервные, у некоторых даже ствол имеется. – Он кивнул на Матвея.

– Вы меня тоже не предупредили, что пойдете к гари. – Туча взмахнул выступившую на лбу испарину.

– Да мы же только осмотреться, – сказал Гальяно. – Пока светло.

– Пока светло... – Туча посмотрел на затянутое небо, сделал глубокий вдох, медленно выдохнул.

– Как ты себя чувствуешь? – Дэн шагнул к нему навстречу.

– Воняет. – Туча бросил в сторону гари полный ненависти и отчаяния взгляд. – Но терпеть можно.

– Извини, что не позвали тебя с собой. У тебя был тяжелый день и дел полно, а мы в самом деле только оглядеться.

– Тут опасно. – Туча говорил спокойно, но лицо его оставалось напряженным.

– Нам ли не знать, – усмехнулся Дэн.

– Я о другом. Того, кто убил Суворова, так и не нашли. Он может прятаться где-то поблизости.

– Не думаю. – Дэн покачал головой. – Если эта сволочь и решила затаиться, то не здесь, а среди людей. Лешак давно

мертв, Туча.

– Я знаю. Лешак мертв, но кто-то подхватил упавшее знамя.

– Имитатор? – спросил Матвей, оглядываясь по сторонам. Сказать по правде, место для бесед они выбрали не самое удачное. Тринадцать лет назад Лешак попытался убить Суворова, а сейчас его грязное дело довел до конца какой-то сумасшедший последователь.

– Лешак не нападал на Суворова, – сказал Туча, но Матвей его не услышал...

Посреди подлеска за спиной Тучи стоял парнишка. Белая рубашка, темные брюки, черноволосая кудрявая голова.

– А этот что здесь делает? – Матвей нахмурился. – Эй, парень! Далековато ты от дома забрел!

Мальчишка вздрогнул, попятился.

– Ты чего это, Матюха? – шепотом спросил Гальяно. – Какой такой парень? Где?

Где? Да вот же он! Всего в каких-то пяти метрах. Рубашка выделяется белым пятном, как можно не заметить?!

– Матвей, там никого нет. – Дэн смотрел прямо на мальчика.

– Или все-таки есть? – все так же шепотом спросил Гальяно.

– Сейчас проверим.

Матвей потянулся было к кобуре, но передумал, решительным шагом направился к пацану. Тот не стал дожидаться.

даться, дал стрекача. Белая рубашка замелькала между черных стволов как маячок. Матвей двинулся следом. Он шел, всматриваясь в серое предгрозовое марево, кожей чувствуя обступающий со всех сторон холод, уже понимая, почему больше никто, кроме него, не видит мальчика. Мальчик был мертв...

– Подожди! – Матвей взмахнул рукой. – Не бойся, мы тебя не обидим!

Смешно. Что они могут сделать мертвому ребенку!

А мальчик его услышал, замер, тревожно глядя на приближающегося Матвея. Невысокий, худенький, лет десяти-одиннадцати, черноволосый, ясноглазый.

– Ты хочешь мне что-то сказать?

Мальчик ничего не ответил, присел на корточки, кончиками пальцев коснулся припорошенной иглицей земли.

– Кто там? – послышался за спиной встревоженный голос Гальяно. – Матюха, это Суворов?

– Нет, это не Суворов. – Медленно, стараясь не упустить мальчика из виду, он обернулся к Гальяно. – Это ребенок. Мне кажется...

Договорить он не успел – мальчик исчез, растворился в темноте, словно его и не было.

– Ты тоже их видишь? – к нему подошел Дэн и Туча.

– Кого?

– Призраков.

– Иногда.

– Нашего полку прибыло! – Гальяно похлопал его по плечу. – Нас, таких ненормальных, теперь двое. Только вот я не вижу никакого мальчика.

– Он уже ушел. Мне кажется, он хотел мне что-то сказать... Или показать. Вот тут он стоял.

В небе громыхнуло, на лицо упала тяжелая дождевая капля. Темнота сделалась почти ночной.

– Даже если показать, то мы ничего не увидим без фонарика. – Гальяно присел на корточки на том самом месте, где только что сидел мальчик. – Черт, холодно!

Да, холодно. Когда они приходят, всегда холодно. Со Ставром тоже так было...

– Ничего тут нет. – Гальяно коснулся земли. – Может быть, он здесь похоронен, этот мальчик? – Он посмотрел на них снизу вверх. – Предлагаю пометить чем-нибудь это место, а завтра вернуться поутру, потому что сегодня бесполезно. Сейчас как ливанет!

– Подожди. – Туча включил подсветку мобильного, выступил вперед, замер, к чему-то прислушиваясь, опустился на колени рядом с Гальяно, пошарил рукой по земле.

Где-то далеко послышался волчий вой. Они переглянулись – откуда здесь взяться волкам?

– Вы тоже это слышали? – спросил Гальяно, ни к кому конкретно не оборачиваясь.

– Этого только не хватало. – Матвей снова взялся за пистолет.

В ту же секунду, заглушая волчий вой, загремели раскаты грома, и небо разразилось не по-летнему холодным, невероятной силы ливнем. В воцарившемся хаосе они вмиг перестали видеть и слышать. Из всех имеющихся чувств у них осталось только осязание. Кто-то схватил Матвея за руку, голосом Гальяно заорал на ухо, стараясь перекричать гром:

– Что-то мне не нравится все это! Надо уходить!

Точно в подтверждение его слов ближайшее к ним дерево вспыхнуло, словно факел, освещая поляну тревожным красным светом. Молния! А молния в лесу – это не шутки. Гальяно прав, нужно уносить ноги.

– Уходим! – Дэн бросился к неподвижно стоящему на коленях Туче, потряс за плечо. – Ты слышишь? Нужно уходить отсюда!

Медленно, как в трансе, Туча поднялся на ноги. В синеватом свете мобильного лица его казалось мертвенно-бледным, взгляд – отсутствующим.

– Да двигайтесь вы! – Гальяно рванул вперед, едва не сшибив Матвея с ног. – Сваливаем, пока весь этот чертов лес не превратился в пепелище!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.